

Великолепие чести

Автор:

[Джулия Гарвуд](#)

Великолепие чести

Джулия Гарвуд

Очарование (АСТ)

Благородный воин Дункан поклялся отомстить подлому барону Луддону за содеянное преступление и исполнил клятву, похитив его младшую сестру Мадлен. Но вскоре Дункан узнал, что гордая пленница и сама жестоко страдала под властью негодяя брата, и принес новую клятву – защищать Мадлен до последнего своего вздоха. Два сердца, точно цветы весной, расцвели, согреты любовью. И влюбленные готовы противостоять тем, кто пытается разрушить их счастье...

Джулия Гарвуд

Великолепие чести

Julie Garwood

HONOR'S SPLENDOR

Перевод с английского М. В. Келер

Компьютерный дизайн Г. В. Смирновой

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения литературных агентств Jane Rotrosen Agency LLC и Andrew Nurnberg.

Серия «Очарование» основана в 1996 году

© Julie Garwood, 1987

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Глава 1

Наконец, братия (мои), что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте.

Новый Завет, Послание к филиппийцам, 4-8

Англия, 1099 год

Они хотели убить его.

Человек стоял посреди опустевшего двора. Его руки, заломленные за спину, были привязаны к столбу. Лицо было бесстрастным, он смотрел прямо перед собой, будто не видя своих врагов.

Пленник не сопротивлялся схватившим его. Он молча позволил раздеть себя до пояса. С него сняли роскошный, подбитый мехом зимний плащ, тяжелую кольчугу, хлопковую рубашку, чулки и кожаные сапоги и все это кучей свалили перед ним. Сомневаться в намерениях врагов не приходилось. Этому воину предстоит умереть, но на его покрытом шрамами теле не останется ран. Зрители станут с удовольствием наблюдать, как пленник постепенно замерзает, глядя на собственную одежду.

Двенадцать человек окружили его, приплясывая обутыми в меховые сапоги ногами, чтобы согреться. Вытащив для пущего устрашения кинжалы, они гоготали, улюлюкали и выкрикивали оскорбления в адрес пленника. Но ни один из них не решился приблизиться к нему, опасаясь, что воин как-то освободится и тогда им придется несладко. Предполагать такое было трудно, однако все были наслышаны о его геркулесовой силе, некоторые даже раз-другой видели его в битве. И если он вдруг вырвется из пут, придется пустить в ход кинжалы, однако можно не сомневаться, что троих-четверых из врагов он сумеет отправить к праотцам.

Главарю дюжины бандитов никак не верилось, что фортуна так улыбнулась ему: они пленили Волка и скоро станут свидетелями его смерти.

И как только Дункан, всесильный барон Векстон, мог совершить такую оплошность – въехать в одиночку во вражескую крепость, даже не имея при себе никакого оружия?! Похоже, он имел глупость поверить в то, что Луддон – столь же знатный барон – будет свято чтить их временное перемирие.

«Поди и вправду Векстон возомнил себя непобедимым, каким слывет, – подумал главарь. – Что ж, к добру это не привело».

Продолжая пристально разглядывать пленника, главарь невольно почувствовал какую-то смутную тревогу. Да, они раздели Дункана, сорвали с его плаща бело-голубой крест – герб Векстонов, словом, сделали все, чтобы лишить барона символов знатного происхождения, его достоинства и чести. Этого пожелал барон Луддон. Однако, по-видимому, полуобнаженный воин, что так гордо стоял перед ними, вовсе не собирался считаться с желаниями Луддона. И по его виду нельзя было сказать, что он вот-вот умрет. Пленник не молил сохранить ему жизнь, не уговаривал прикончить его, чтобы избежать мучений. Его кожа не побледнела, не покрылась мурашками. Покрытая ровным загаром, она, казалось, пышет теплом. Черт возьми, он даже не дрожал! Да, перед ними стоял именно

тот сильный и бесстрашный человек, о котором так много говорили. И впрямь настоящий Волк.

Постепенно насмешки стихли, во дворе замка стали слышны лишь завывания ветра. Главарь перевел взгляд на своих людей, топтавших неподалеку. Глаза у всех были опущены, и главарь понял, что они просто опасаются смотреть на пленника. Впрочем, он сам избегал взгляда Дункана.

Барон Дункан из Векстона был по крайней мере на голову выше своих стражников. И фигура его была под стать росту – широкие плечи, узкие бедра, длинные сильные ноги, которые он сейчас слегка расставил... Глядя на него, можно было не сомневаться в том, что Векстон в состоянии один прикончить их всех, если ему представится такая возможность.

На землю опускалась тьма, пошел легкий снег. Воины начали роптать.

– Нам ни к чему ждать на холоде его смерти, – пробормотал один из них.

– Да он еще несколько часов проживет, – добавил другой. – Барон Луддон давным-давно уехал и не узнает, где мы будем находиться – в замке или во дворе.

Остальные согласно закивали, и главарь засомневался. К тому же холод донимал и его. Решимость покинуть двор возросла при мысли, что барон Векстон все же человек и пройдет совсем немного времени, когда он станет молить о пощаде. Но пока этого не произошло, и высокомерие Векстона бесило главаря, он злился все больше и больше. Его ноги в теплых сапогах уже начинали неметь от холода, а барон, стоявший босиком на промерзшей земле, ни разу даже не шевельнулся, не сдвинулся с места. Может, во всех этих рассказах про него и была доля правды?

Главарь выругался и дал своим людям знак направиться в замок. Когда последний из них скрылся за дверью, вассал Луддона еще раз проверил надежность веревок, а затем встал прямо против пленника.

– Про тебя говорят, что ты хитер, как волк, но ты всего лишь человек и скоро умрешь. Луддон не хочет, чтобы на твоём теле оставались свежие раны. Завтра утром мы закопаем твой труп где-нибудь далеко отсюда, и никто не сумеет

доказать, что Луддон имеет к этому отношение! – зло выкрикнул главарь, приходя в еще бо?льшую ярость оттого, что пленник даже не взглянул на него. Помолчав, он добавил: – Будь моя воля, я бы просто вырезал у тебя сердце и покончил с этим делом. – Он набрал полный рот слюны, чтобы плюнуть пленнику в лицо, надеясь, что такое оскорбление все-таки приймет его.

И тут Дункан опустил взгляд. Его глаза встретились с глазами врага. Тот вздрогнул и громко сглотнул, а затем испуганно отвернулся, осеняя себя крестом и бурча себе под нос, что он всего лишь выполняет приказ своего лорда. Потом бегом тоже бросился в замок...

Скрываясь в тени у стены замка, за всем происходящим наблюдала Мадлен. Она помедлила еще несколько минут, желая убедиться, что воины ее брата уже не вернутся во двор. Все это время Мадлен молила Бога, чтобы он дал ей смелость осуществить свой план.

Мадлен рисковала всем, но сердцем понимала, что другого выбора у нее нет. Лишь одна она может спасти Дункана, хотя прекрасно знала, что, если ее поймают, ей несдобровать.

Мадлен вся дрожала, но шла быстро. Чем быстрее она покончит с этим, тем скорее обретет душевный покой. У нее хватит времени обдумать свой безрассудный поступок, когда пленник будет на свободе.

Длинный черный плащ окутывал ее с ног до головы, и Дункан заметил девушку лишь тогда, когда она оказалась прямо перед ним. Яростный порыв ветра сорвал с ее головы капюшон, и копна каштановых волос рассыпалась по хрупким плечам. Откинув с лица волосы, Мадлен взглянула на пленника.

На мгновение тому показалось, что его разум помутился. Дункан яростно замотал головой, но когда его ушей достиг мелодичный голос девушки, он понял, что прекрасное видение – не игра его воображения.

– Погодите минутку, я вас сейчас развяжу, – прошептала незнакомка. – Только, ради Бога, молчите, пока мы не скроемся отсюда.

Барон не верил своим ушам. Голос его спасительницы звучал нежно, как арфа, и манил к себе, как погожий летний денек. Дункан чуть было не рассмеялся над

столь неожиданным поворотом событий. Ему захотелось громко крикнуть, чтобы покончить с обманом, но любопытство пересилило, и Векстон решил выждать какое-то время, чтобы его предполагаемая спасительница раскрыла свои истинные намерения.

Сохраняя прежнюю невозмутимость, он молча наблюдал за тем, как девушка достает из складок плаща маленький кинжал. Она стояла совсем близко от несвязанных ног Векстона, так что, вздумай она вонзить ему в сердце кинжал, он сумеет разделаться с ней.

Но леди Мадлен совсем забыла об опасности. Думая лишь о том, как освободить пленника, она подошла еще ближе и принялась перерезать кинжалом толстую веревку.

Дункан заметил ее дрожащие то ли от пронизывающего ветра, то ли от страха руки.

До него донесся слабый запах розы. Вдохнув аромат полной грудью, он решил, что стужа и впрямь сыграла злую шутку с его рассудком. Розы в разгар зимы, ангел во вражеской крепости... все это было полным абсурдом, и все же девушка стояла перед ним, благоухая весенними цветами и напоминая собой небесное видение.

Векстон еще раз мотнул головой. Он начал догадываться, кто эта девушка. Ему описывали ее, но описание это не совсем совпадало с реальностью. Барону говорили, что сестра Луддона среднего роста, у нее каштановые волосы и голубые глаза. Да, именно такой она и была, но не просто милой и хорошенькой. Она была прекрасной!

Наконец веревка была перерезана, и руки Дункана освободились от пут. Он не двинулся с места, ничем не выразил своей благодарности, своего отношения к происходящему. Девушка опять приблизилась к барону, одарила робкой улыбкой и опустила на колени, чтобы собрать его вещи.

От страха ее движения стали неловкими. Поднимаясь, она споткнулась, затем тихо проговорила:

– Пожалуйста, следуйте за мной.

Векстон не шевельнулся.

Мадлен нахмурилась и, держа в одной руке одежду Дункана и тяжелые сапоги, другой обхватила его за талию.

– Обопритесь на меня, – прошептала она. – Я помогу вам, обещаю. Но, ради всего святого, поторопитесь! – Она не сводила глаз с дверей замка, в голосе ее звучал страх. Видя отчаяние своей спасительницы, Векстон хотел было сказать ей, что им не нужно прятаться, так как именно в эти минуты его воины уже начали перебираться через крепостные стены, но промолчал. Чем меньше она знает, тем выгоднее ему.

Едва доставая Дункану до плеча, Мадлен по-прежнему была готова стоически поддерживать барона и положила его тяжелую руку на свои хрупкие плечи.

– Мы пойдем в помещение за часовней – там обычно останавливается священник, когда приезжает в замок, – едва слышно прошептала она. – Это единственное место, куда никто не подумает заглянуть.

Похоже, Дункан не обратил никакого внимания на ее слова. Воины Луддона были не умнее своего хозяина. Из-за непогоды все стражники ушли от ворот, оставив крепостные стены незащищенными. Враги заплатят за свою слабость смертью.

Дункан всем своим весом оперся на девушку, стараясь сдержать ее шаг, и принялся сжимать и разжимать пальцы онемевших рук. Ноги его почти потеряли чувствительность. Векстон знал, что это дурной знак, но пока тут трудно было чем-то помочь.

Услышав тихий свист, он поднял вверх руку, давая своим воинам знак подождать. Затем барон взглянул на сестру Луддона, желая убедиться, что она ничего не заметила. Но Мадлен думала лишь о том, чтобы не упасть, не подозревая, что враги уже проникли в ее дом.

Наконец они подошли к узкой двери. Видя, что пленник совсем ослаб, Мадлен прислонила его к стене, с трудом пытаясь отодвинуть засов.

Но вот дверь отворилась. Взяв Дункана за руку, девушка увлекла его за собой в темноту. Ледяной сквозняк гулял по длинному сырому коридору, пока они брели ко второй двери. Девушка быстро распахнула ее, втолкнув Векстона в помещение.

Они оказались в комнате без окон, освещенной мягким светом свечей. Воздух был спертым; пыль серым ковром покрывала деревянный пол, с низкого потолка свисала густая паутина, на вбитых в стену крючьях висели яркие одеяния священников, посреди комнаты лежал набитый соломой тюфяк, а рядом с ним – два толстых одеяла.

Закрыв дверь на засов, Мадлен облегченно вздохнула. На некоторое время они были в безопасности. Девушка указала Векстону на тюфяк, предлагая ему сесть.

– Когда я увидела, что они с вами делают, то тут же приготовила эту комнату, – объяснила она, протягивая Дункану одежду. – Меня зовут Мадлен, и я... – Девушка хотела было объяснить Дункану, кем она приходится Луддону, но потом передумала. – Я останусь с вами до рассвета, а потом покажу вам потайной ход. Даже Луддон не знает о его существовании.

Барон уселся на тюфяк и вытянул перед собой ноги. Слушая Мадлен, он натягивал рубашку и думал, что ее смелый поступок лишь осложнил его положение: ему было трудно представить, что почувствует девушка, узнав, в чем заключается его план.

Когда кольчуга вновь засияла на широкой груди барона, Мадлен бережно укутала его плечи одеялом и села перед ним на пол, внимательно осматривая его ступни; ее лицо нахмурилось. Векстон потянулся к сапогам, но Мадлен остановила его.

– Сначала надо согреть ваши ноги, – объяснила она.

Вздыхнув, она принялась размышлять, как бы половчее сделать это. Мадлен взяла второе одеяло, чтобы завернуть в него ноги Векстона, но потом, покачав головой, передумала. Она бросила одеяло на ноги барону, сняла с себя плащ, развязала плетёный кожаный пояс и медленно приподняла свое платье до самых колен.

Дункан с любопытством глядел на нее, ожидая, что будет дальше, но Мадлен по-прежнему молчала. Потом, решительным движением схватив его ступни, сунула их себе под платье, тесно прижав к своему телу.

Когда заледеневшие ноги барона коснулись ее теплой кожи, девушка громко вскрикнула, однако не отпустила их, а накинула платье ему на колени и тоже прижала их к себе. Она дрожала, и Дункану казалось, что Мадлен вбирает в себя сковывающий его конечности холод.

Чувствительность быстро возвращалась к ним. Векстону казалось, будто тысячи острых клинков одновременно вонзаются в его ступни, которые нестерпимо жгло. Но когда, не выдержав, Дункан захотел освободить ноги, Мадлен не позволила ему это сделать, силой удержав его.

– Если вам больно, то это хороший признак, – чуть слышно прошептала она. – Боль скоро пройдет. Радуйтесь, что вообще не лишились ног. Добавлю, что вы попали в ловушку из-за собственного безрассудства и, надеюсь, извлекли для себя урок. Во второй раз мне вас не спасти! Я знаю, вы верили в то, что Луддон будет играть по правилам. Но... именно в этом заключалась ваша ошибка. Луддон понятия не имеет о совести и чести. Не забывайте об этом в будущем и, глядишь, еще годок-другой протянете.

Произнося эти слова, Мадлен думала о том, сколь высокую цену ей придется заплатить за свой поступок. Луддону не понадобится долго размышлять над тем, кто выпустил врага на свободу. Девушка быстро прочла про себя благодарственную молитву, радуясь тому, что брат уехал из крепости и у нее будет время скрыться.

Но сначала, разумеется, надо позаботиться о бароне. Лишь только он покинет замок, она все как следует обдумает, а пока лучше не забивать себе голову мрачными мыслями.

– Что сделано, то сделано, – с отчаянием в голосе прошептала Мадлен.

Векстон никак не откликнулся на это замечание, а его спасительница предпочла ничего не объяснять. Между ними повисло тяжелое молчание. Промолви Дункан хоть слово, Мадлен чувствовала бы себя увереннее. Ее смущало, что его голые ноги касались ее плоти, и, стоило ему чуть разогнуть пальцы, они уперлись бы в

полукружия ее груди. Подумав об этом, Мадлен залилась краской и решила еще раз осторожно взглянуть на Дункана, чтобы понять, как он относится к столь необычному методу лечения.

Тот, казалось, только и ждал этого и быстро перехватил ее взгляд. Он подумал, что глаза у девушки – как небо в ясный, солнечный день и что она ничуть не похожа на своего брата, но тут же напомнил себе, что по одной лишь внешности нельзя судить о человеке, хотя этот невинный взгляд так и манил его. Однако Мадлен – прежде всего сестра его врага, и ее внешность не так уж важна для него. Эта девушка стала теперь заложницей, приманкой для того, чтобы загнать дьявола в ловушку.

Между тем Мадлен подумала, что глаза Дункана такие же серые и холодные, как лезвие ее кинжала. Его лицо казалось высеченным из камня и совершенно бесстрастным. Плотные сжатые губы и упрямый подбородок придавали ему еще более суровое выражение. Мадлен заметила, что в уголках его глаз совсем не было морщинок – похоже, этот человек никогда не смеялся и даже не улыбался. Впрочем, наверное, ему и не пристало веселиться: во-первых, он был воином, во-вторых, знатным бароном – это не оставляло в его жизни места для веселья и смеха.

Внезапно Мадлен подумала, что даже не представляет, что творится сейчас в душе пленника ее брата. Это беспокоило и страшило ее. Преодолевая смущение, девушка вновь попыталась завязать с ним разговор.

– Вы хотели встретиться только с Луддоном? – спросила она.

Когда ответа на вопрос не последовало, Мадлен раздраженно вздохнула. Похоже, этот воин не только глуп, но и упрям. Она спасла ему жизнь, а он не произнес ни слова благодарности. Что ж, видимо, его поведение соответствует его внешности и репутации.

Векстон пугал ее. Признавшись себе в этом, Мадлен рассердилась. Если его отношение к ней так волнует ее, значит, она не умнее его. Барон продолжал упорно молчать, а она тряслась, как напуганный ребенок.

Пожалуй, все дело в том, что Векстон – такой гигант, настоящий великан, решила наконец Мадлен. В этой маленькой комнатке он просто подавляет ее

своими внушительными размерами.

– И не вздумайте снова явиться к Луддону! Уж тогда-то он непременно убьет вас.

Барон и на этот раз ничего не ответил, лишь медленно отодвинулся от девушки, задержав, впрочем, пальцы на ее бедрах и выразительно глянув в глаза.

Затем он принялся натягивать на согревшиеся ноги чулки и сапоги, а девушка все продолжала сидеть на тюфяке.

Обувшись, Дункан поднял с пола плетеный кожаный поясок Мадлен и протянул его ей. Та приветливо улыбнулась, решив, что барон наконец хочет выразить ей свою признательность и собирается сказать несколько благодарных слов. Она потянулась за поясом.

Движения Дункана были молниеносными. Схватив левую руку Мадлен, барон в один миг намотал поясок на ее запястье и в мгновение ока связал обе руки вместе.

Мадлен недоуменно посмотрела на них, затем перевела взгляд на барона. Холодок пополз по ее спине, когда она увидела выражение его лица. Не веря своим глазам, она отчаянно замотала головой.

И тут барон Векстон наконец заговорил:

– Я пришел сюда не за Луддоном, Мадлен. Я пришел за тобой.

Глава 2

...Мне отмщение, Я воздам...

Новый Завет, Послание к римлянам, 12-19

– Вы сошли с ума? – прошептала девушка изумленно.

Дункан ничего не ответил. Рывком подняв Мадлен на ноги, барон схватил ее за плечи – без его поддержки она немедленно рухнула бы на колени. Странно, но для такого великана у него были на редкость нежные руки, что еще больше смутило Мадлен.

Его поведение было необъяснимым. Ведь барон – пленник, а она – его спасительница, неужели он этого не понимает? Да она всем рисковала, освобождая его! Господи, она согревала его ноги таким непозволительным для девушки способом!

Векстон стоял, возвышаясь над ней. Он казался настоящим варваром с диким выражением лица, которое, признаться, сейчас вполне гармонировало с его огромным телом. Мадлен почти физически ощущала исходящую от него силу и, несмотря на отчаянные попытки держаться спокойно, вся дрожала и знала, что Дункан чувствует это.

Он потянулся за плащом Мадлен. Закутывая ее, он как бы невзначай провел рукой по нежной округлости ее груди. Это могло быть случайностью, но девушка все же инстинктивно отступила назад, плотнее запахивая плащ. Барон ухмыльнулся. Высвободив конец ее кожаного пояса, Векстон повернулся и повел сестру Луддона за собой.

Мадлен едва поспевала за ним.

– Но к чему вам попадаться на глаза людям Луддона? – вскричала она. – Это нелепость!

Дункан не отвечал, но девушка не отступала. Этот человек шел навстречу своей смерти, и она должна была остановить его!

– Барон, прошу вас, не делайте этого! Вы просто безумец! Они убьют вас!

Мадлен потянула пояс на себя, безуспешно пытаясь остановить Дункана.

Господи, ну как спасти его?!

Они дошли до тяжелой двери, ведущей во двор замка. Барон толкнул ее с такой силой, что, распахнувшись, она с грохотом ударилась о каменную стену. Когда Мадлен оказалась во дворе, ледяной ветер с силой пахнул ей в лицо, словно насмехаясь над ее мыслями насчет безумия Дункана. Нет, сумасшедшим он не был!

Доказательств тому было множество. По двору замка передвигалось не меньше сотни воинов; примерно столько же перебиралось через крепостные стены. Они двигались со стремительностью ветра и осторожностью воров, и все носили на одежде бело-голубые цвета барона Векстона.

Мадлен была настолько потрясена этим зрелищем, что на время забыла о своем похитителе и в оцепенении уставилась на воинов, заполнявших двор. Однако Дункан продолжал тянуть ее за собой, и, чтобы не упасть, девушке пришлось опереться о его кольчугу.

Дункан не обращал на свою спутницу ни малейшего внимания, и она подумала, что кому-нибудь покажется, будто она трусит и прячется за спину Векстона. Она тут же смело выступила вперед, чтобы все до одного могли ее видеть. Ее макушка едва доходила барону до плеча, но Мадлен держалась очень прямо, стараясь не показать своего страха.

Но Господи, как же она боялась! По правде говоря, ее не столько пугала смерть, сколько умирание. Быстро или медленно наступит ее конец? Или, может, она будет стойко держаться, но в последнюю минуту потеряет над собой власть и на потеху всем струсит? Мысль эта так взволновала Мадлен, что она едва не вскрикнула. Пусть лучше ее прикончат сразу! Вот тогда и сбудется предсказание ее братца! Но разве вообще думать о смерти – не трусость?

Между тем барон Векстон понятия не имел о мыслях, занимавших его пленницу. Взглянув на Мадлен, Дункан лишь удивился спокойному, даже безмятежному выражению ее лица, но он был уверен, что скоро настроение девушки переменится. Мадлен станет свидетельницей его мести, и началом этого будет то, что он до основания разрушит ее родной дом. Вот тогда-то она начнет плакать и умолять его о пощаде.

В это время один из воинов торопливо подошел к барону. Мадлен сразу догадалась, что он, по-видимому, был родственником Дункана, во всяком случае,

у него были такие же темно-русые волосы и крепкая мускулистая фигура, хотя ростом он, пожалуй, был чуть пониже; было заметно и сходство в чертах лица. Не обращая внимания на Мадлен, подошедший обратился к Векстону:

- Дункан! Ты наконец бросишь клич или мы простоим тут всю ночь?

Итак, барона зовут Дункан. Странно, но, услышав это обычное имя, Мадлен несколько приободрилась, подумав, что оно не подходит для дикого варвара.

- Так что же, брат? - спросил молодой человек.

Брат... Вот оно что... Это давало ему право так неуважительно обращаться к барону.

Тут воин, юное лицо которого еще не было отмечено боевыми шрамами, наконец-то обратил внимание на Мадлен. В его карих глазах читалось одно лишь презрение. Судя по его виду, он мог и ударить девушку. Больше того, юноша демонстративно отступил назад, словно перед ним стояла прокаженная.

- Луддона здесь нет, Джилард, - сказал Дункан брату так спокойно, что в сердце Мадлен вновь загорелась искорка надежды.

- Значит, вы направитесь домой, милорд? - спросила она, поворачиваясь к Векстону.

Дункан промолчал. Мадлен хотела было повторить свой вопрос, но тут ее перебил Джилард, разразившийся целым потоком грубой брани. Не сводя с девушки глаз, он что-то зло и сбивчиво выкрикивал, брызгая слюной. Мадлен не понимала и половины из его слов, но одного яростного взгляда Джиларда было достаточно, чтобы напугать ее.

Дункан уже хотел прикрикнуть на брата, но тут девушка внезапно прижалась к нему; она дрожала, не сводя испуганных глаз с Джиларда. Тот вряд ли представлял, каким страшным кажется Мадлен; впрочем, знай Джилард об этом, это вряд ли взволновало бы его. И вдруг барон почувствовал раздражение. Мадлен была его пленницей, но не врагом, и чем скорее Джилард поймет, как следует с ней обращаться, тем лучше.

– Довольно! – выкрикнул Векстон. – Луддон уехал, и все твои проклятия не вернут его назад.

Дункан внезапно обхватил Мадлен за плечи и прижал к себе. Джилард, пораженный столь явным знаком расположения, сразу смолкнув, уставился на них.

– Вероятно, Луддон поехал по южной дороге, Джилард, иначе вы встретили бы его, – сказал барон.

– Значит, теперь вы поедете домой? И сможете бросить Луддону вызов в другой раз? – не сдержавшись, снова спросила Мадлен. Она старалась говорить как можно равнодушнее, надеясь, что не слишком разозлила братьев своим вопросом.

Те повернулись к ней, ничего не ответив, но, судя по их взглядам, оба решили, что она не в своем уме.

Страх вновь обуял Мадлен, колени ее задрожали, она поспешно опустила глаза и уставилась в грудь Векстона, стыдясь проявления такой непростительной слабости характера.

– Я не сумасшедшая, – пробормотала она. – Вы еще успеете уехать, и вас не тронут.

Дункан промолчал. Схватив ее за связанные руки, он потащил пленницу к тому самому столбу, к которому еще недавно был привязан сам. Мадлен два раза споткнулась, ноги ее подгибались от ужаса. Но когда Дункан внезапно отпустил ремень, Мадлен выпрямилась, прислонившись к столбу и ожидая, что будет дальше.

Барон Векстон пристально поглядел на пленницу. Она решила, что это означало приказание оставаться на месте. Затем он повернулся к воинам и встал перед ними, слегка расставив сильные ноги и уперев руки в бока.

– Никто не смеет прикасаться к этой девушке! – прогремел на весь двор голос барона. – Она моя!

Мадлен посмотрела на дверь замка. Можно было не сомневаться: громкий крик Векстона перебудил всех воинов. Но когда через несколько мгновений из замка так никто и не появился, девушка решила, что сильный порыв ветра просто отнес в сторону крик барона.

Дункан отошел от Мадлен. Тут девушка с такой силой вцепилась в его кольчугу, что стальные колечки впились в ее нежную кожу. Она скривилась от боли и, возможно, от того яростного взгляда, которым наградил ее Векстон. Теперь он стоял так близко от нее, что девушке пришлось задрать голову, чтобы увидеть его лицо.

– Вы не поняли меня, барон! – вырвалось у нее. – Если бы вы только выслушали меня, то сразу же согласились бы, что ваш план нелеп.

– Мой план нелеп? – недоуменно переспросил Векстон.

Черт, да она же оскорбила его! За такие слова любой мужчина поплатился бы жизнью. Хотя... У нее было такое искреннее выражение лица, такие невинные глаза... Возможно, она просто не понимает, что говорит.

У Дункана был такой вид, словно он собирается задушить Мадлен. Она едва сдерживалась, чтобы не зажмурить глаза под его испепеляющим взглядом.

– Если вы пришли в замок за мной, то зря потратили время, – прошептала она.

– Так ты полагаешь, что не заслуживаешь моего внимания? – поинтересовался барон.

– Конечно. Ведь в глазах брата я ничтожество, настоящая пустышка. Мне это прекрасно известно, – равнодушно добавила Мадлен. Дункан понял, что девушка не кокетничает, не набивает себе цену. – А вы обязательно погибнете этой ночью. Да, ваших воинов здесь много, но воинов Луддона примерно вчетверо больше. Больше сотни воинов спят в подвале. Можно не сомневаться, что они услышат шум битвы. Что вы на это скажете? – спросила Мадлен, начав догадываться, что впустую тратит время на уговоры, но не в силах остановиться.

Дункан недоуменно смотрел на нее, потом попросту пожал плечами.

Этот жест заставил Мадлен рассвирепеть. Видно, глупец твердо решил покончить счеты с жизнью!

– Я напрасно уговариваю вас уйти отсюда, не так ли? – спросила девушка.

– Да, – признался барон, в глазах которого, к удивлению его пленницы, появился теплый блеск, который, впрочем, быстро погас. Может, он просто смеялся над ней?

Дункан еще некоторое время смотрел на Мадлен, а затем, покачав головой, направился к замку Луддона.

Девушка все еще не могла понять намерений барона. Глядя на его спокойное лицо и неторопливую походку, можно было подумать, что он просто зашел в гости к соседу.

Конечно, это было заблуждением. Мадлен вдруг стало до того страшно, что она почувствовала тошноту. Она несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь развязать кожаный пояс, которым все еще были связаны ее руки. Паника ее усиливалась – девушка внезапно вспомнила, что в замке, кроме воинов, есть еще и слуги. Она не сомневалась в том, что воины барона Векстона не станут разбирать, кто перед ними – вооруженные воины или безоружные мирные люди. Уж Луддон-то, во всяком случае, ни на секунду бы над этим не задумался.

Мадлен знала, что скоро умрет. Иного быть не могло – ведь она сестра Луддона. Но если она спасет несколько невинных людей, не станет ли ей легче от сознания того, что перед смертью она совершила добрый поступок? Господи, если удастся спасти хоть одну жизнь!..

Не сводя глаз с Векстона, Мадлен пока безуспешно пыталась развязать узлы на ремне. Когда барон поднялся на ступени замка и повернулся к своим воинам, на его лице была написана ярость.

Дункан медленно поднял над головой меч. А потом над площадкой двора раздался его громовой голос, проникая сквозь толстые каменные стены:

– Никого не щади-и-ить!!!

Шум битвы терзал Мадлен. То, чего она не видела, дорисовывало ее воображение. Девушка никогда не была свидетельницей настоящего сражения, лишь слышала хвастливые рассказы воинов об их ловкости и храбрости. Но при ней никто никогда не упоминал о жертвах, неизбежных в любой битве, так что когда дерущиеся стали выбегать во двор и рекой полилась кровь, девушке показалось, что она попала в ад.

Хотя численностью воины Луддона и превосходили противника, Мадлен быстро поняла, что они были подготовлены к сражению куда хуже, чем воины Векстона. Она видела, как один из воинов ее брата занес меч над бароном и тут же поплатился за это жизнью; другой попытался нанести удар копьем и через мгновение остался и без копья, и без руки. Его душераздирающий вопль пронесся над полем боя, и воин упал на землю, истекая кровью. Мадлен зажмурила глаза, чтобы не видеть всех этих ужасов, но и с закрытыми глазами жуткие картины битвы продолжали преследовать ее.

Вдруг юноша, которого Мадлен приняла за оруженосца Дункана, подбежал к ней и встал рядом. Светловолосый, среднего роста, такой мускулистый, что даже казался толстяком. Вытащив из ножен кинжал, он принял оборонительную позицию. На пленницу барона юноша не обращал никакого внимания, однако Мадлен была уверена, что он послан к ней на защиту. Она видела, как несколько минут назад барон указал на нее оруженосцу.

Девушка заметила, что оруженосец непрерывно нервно покусывал нижнюю губу, то ли от страха, то ли от возбуждения. Вдруг юноша бросился к Дункану, вновь оставив Мадлен одну.

Оказалось, молодой человек сделал это, чтобы поднять щит, который его господин выронил в пылу битвы. В спешке оруженосец обронил свой кинжал.

Быстрее молнии Мадлен подбежала к кинжалу и, схватив его, вернулась на свое место у столба. Опустившись на колени, она прикрыла плащом руки и принялась перерезать связывавший их кожаный пояс. Внезапно она почувствовала едкий запах дыма и, подняв глаза, увидела, как из открытых дверей замка с ревом вырвался столб пламени. Испуганные слуги побежали к воротам, ища спасения за пределами замка. Огонь преследовал их по пятам.

Старик Саймон – старший сын управляющего замком – поспешил к Мадлен. По его морщинистому лицу текли крупные слезы, плечи были горестно опущены.

– Господи, миледи, я думал, они убили вас, – прошептал Саймон, помогая девушке подняться.

Взяв из рук Мадлен кинжал, Саймон ловко перерезал злополучный пояс.

– Постарайся спастись, Саймон, – горячо заговорила Мадлен, обняв слугу за плечи. – В этой битве ты можешь погибнуть, а ведь ты нужен своей семье.

– Но вы...

– Беги, пока не поздно, – настаивала Мадлен охрипшим от страха голосом.

Саймон был добрым, богобоязненным человеком, который всегда хорошо к ней относился. Как и другие слуги, он вынужден был оставаться на службе у Луддона, и одно это было достаточно тяжким испытанием. Не мог же Господь быть таким жестоким и в довершение ко всему отнять у старика и жизнь!

– Бежим со мной, леди Мадлен, – начал умолять Саймон. – Я сумею надежно спрятать вас.

Девушка отрицательно покачала головой:

– Одному тебе будет легче скрыться, Саймон. Барон обязательно придет за мной. И не спорь, пожалуйста, – торопливо добавила она, видя, что слуга собирается продолжать уговаривать ее. – Да иди же наконец! – выкрикнула Мадлен, подталкивая старика в спину.

– Да защитит вас Господь! – пробормотал Саймон и, протянув хозяйке кинжал, заковылял к воротам. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как был сбит с ног братом Дункана. Джилард бежал за одним из вражеских воинов и случайно наткнулся на старого слугу. Саймон упал на колени, и тут Джилард сообразил, что перед ним – еще один враг, которого надо уничтожить.

Мадлен ни на секунду не усомнилась в намерениях Джиларда. Громко закричав, она подбежала к ним и прикрыла Саймона своим телом.

– Встань и отойди в сторону! – рявкнул Джилард, занося меч.

– Нет! Прежде чем убить его, тебе придется прикончить и меня!

Лицо молодого человека скривила гримаса ярости. Уж кто-кто, а брат барона был способен уложить девушку одним ударом.

Происходящее не укрылось от внимания Дункана, который тут же поспешил к Мадлен. Барон знал крутой нрав своего брата, но не сомневался в том, что тот не посмеет причинить вреда девушке. А если Джилард все же сделает это, то умрет сам. Не важно, что они единокровные братья. Дункан – всесильный барон Векстонских владений, а Джилард – его вассал, обязанный чтить своего господина. Дункан ясно заявил, что Мадлен принадлежит только ему. И никто не имел права коснуться ее хоть пальцем. Никто!

Остальные слуги, а их было человек тридцать, наблюдали за происходящим. Те, кто еще не успел выбежать за ворота, поспешили на помощь Саймону.

Мадлен встретила разъяренный взгляд Джиларда с ледяным спокойствием, ничем не выдавая своего страха.

Дункан подбежал к ним в тот самый миг, когда Мадлен откинула с шеи тяжелую массу волнистых волос и холодно попросила Джиларда бить именно сюда, да поскорее.

Оторопев, Джилард медленно опустил меч. Окровавленное острие клинка воткнулось в землю.

Спокойное выражение лица Мадлен не изменилось, когда она повернулась к Дункану.

– Неужели ваша ненависть к Луддону распространяется и на его слуг? Неужели вы убиваете несчастных мужчин и женщин только за то, что по закону они обязаны служить моему брату? – вызывающе бросила она.

Не дожидаясь ответа, девушка повернулась к барону спиной, взяла Саймона за руку и помогла ему встать.

– Я слышала, что барон Векстон – человек чести, Саймон. Встань рядом со мной и давай вместе посмотрим ему в глаза, мой друг. – Повернувшись к Дункану, она добавила: – Теперь-то мы и узнаем, действительно ли перед нами порядочный человек или он ничуть не лучше Луддона.

Тут Мадлен заметила, что все еще держит в руке кинжал. Быстро спрятав руку за спину, она нащупала дырку в подкладке плаща и сунула кинжал туда, моля Бога о том, чтобы подол одежды оказался достаточно прочным. Потом она громко крикнула, указывая на слуг:

– Все эти добрые люди пытались защитить меня от моего брата, и я умру, если вы попытаетесь причинить им зло! Выбор за вами!

Дункан ответил с презрением:

– Я не такой, как твой брат, Мадлен. Я не преследую слабых. Ступай, старик, никто не тронет тебя. И можешь взять с собой остальных.

Слуг не надо было долго уговаривать – они тут же бросились к воротам. Оценив благородство Векстона, Мадлен произнесла:

– А теперь, барон, я попрошу вас еще об одном. Пожалуйста, убейте меня прямо сейчас. Я знаю, что просить об этом – значит проявить трусость, но поверьте, ждать смерти невыносимо. Делайте то, что вы должны сделать.

Мадлен ничуть не сомневалась в том, что Дункан собирался убить ее. Сам барон был поражен ее словами – он в жизни не встречал столь удивительной женщины.

– Я не собираюсь убивать тебя, Мадлен, – ответил Векстон, отворачиваясь от нее.

Девушка вздохнула с облегчением. Вероятно, барон говорил правду. У него был такой удивленный вид, когда она обратилась к нему со своей просьбой...

Впервые в жизни Мадлен оказалась победительницей. Она спасла Дункану жизнь и благодаря этому будет жить сама...

Битва закончилась. Лошадей выпустили из конюшни и выгнали за ворота вслед за слугами за несколько секунд до того, как пламя охватило деревянные постройки.

Как ни странно, Мадлен ничуть не жалела замка Луддона. Этот дом никогда не принадлежал ей. У нее не сохранилось счастливых воспоминаний о нем.

Нет, поступок барона не возмутил Мадлен. Наверное, ее братец заслужил отпущения за свои грехи. Этой холодной темной ночью правосудие наконец восторжествовало, и свершил его варвар в одежде рыцаря. Его не испугало даже то, что Луддон имел могущественного друга – самого короля Англии.

Но чем же Луддон так насолил барону Векстону? Почему тот решил жестоко ему отомстить? И какую цену сам Дункан заплатит за свое деяние? Потребуется ли Вильгельм II, чтобы Дункан жизнью заплатил за нападение на замок Луддона? Вероятно, король не откажет Луддону, если тот запросит за разрушенный замок именно такую цену. Поговаривали, что Луддон имел на короля большое влияние. Мадлен даже слышала, что они были весьма своеобразными друзьями. И лишь на прошлой неделе узнала, что подразумевают такие сплетни. Об этом ей рассказала Марта, невенчанная жена конюха. Похоже, Марте доставляло огромное удовольствие рассказывать о подобной «дружбе», тем более что перед этим она выпила изрядное количество эля.

Мадлен не поверила ей. Залившись краской, она заявила Марте, что во всех ее рассказах нет и слова правды. Девушка уверяла, что Луддон не женится лишь по той причине, что дама его сердца умерла. Марта от души хохотала над подобным объяснением, но все же заставила хозяйку прислушаться к своим словам.

До того памятного вечера Мадлен и представления не имела, что мужчины могут вступать друг с другом в интимные отношения. Но когда узнала, что, по слухам, ее брат сожительствует с самим королем Англии, это показалось ей отвратительным. Она почувствовала себя до того мерзко, что оттолкнула тарелку с едой, вызвав этим очередной взрыв веселья Марты.

– Сожгите церковь! – донесся до Мадлен сквозь царивший вокруг шум приказ Векстона, возвращая девушку от ее размышлений к настоящему. Подобрал юбки, она бросилась к церкви в надежде спасти находившиеся там свои скудные пожитки, прежде чем приказ барона будет выполнен. Казалось, никто не обратил на нее внимания.

Дункан перехватил девушку как раз в тот момент, когда она подбежала к боковой двери. Не успела Мадлен и глазом моргнуть, как он поймал ее, прижав обеими руками к стене.

– Тебе нигде от меня не спрятаться, Мадлен. – Его голос звучал очень тихо, даже устало.

– Я ни от кого не прячусь, – сдерживая гнев, промолвила Мадлен.

– Стало быть, ты хочешь сгореть вместе с церковью? Или решила сбежать тем самым потайным ходом, о котором говорила мне?

– Ни то ни другое, – заявила девушка. – В церкви – все мои вещи. И я бежала туда, чтобы забрать их, ведь они понадобятся мне в дороге.

Дункан ничего не ответил Мадлен, и та захотела объяснить ему все еще раз, но под пристальным взглядом барона никак не могла собраться с мыслями.

– Я... я же не прошу у вас коня. Я просто хочу взять вещи, которые спрятала за алтарем.

– Не просишь? – шепотом переспросил Векстон.

Мадлен не знала, как отвечать на его вопрос и на улыбку, которой он наградил ее.

– Ты вправду хочешь, чтобы я поверил, будто твоим жилищем была церковь?

Ах, как хотелось Мадлен сказать ему, что ей наплевать на то, чему он верит, а чему нет! Но... Она была трусихой! Впрочем, на сей раз умение скрывать свои чувства сослужило ей хорошую службу. Она спокойно смотрела на Векстона,

ничем не показывая своего гнева. Господи, ей даже удалось пожать плечами!

Однако от внимания Дункана не укрылись сердитые искорки, загоревшиеся в ее голубых глазах. Но они так не вязались со спокойным выражением ее лица и так быстро погасли, что барон заметил их лишь потому, что уж очень внимательно наблюдал за девушкой. Да-а, ничего не скажешь, она умела держать себя в руках!

- Так ответь же мне наконец, Мадлен! Ты хочешь заставить меня поверить, что ты жила в церкви?

- Нет, я там не жила! - воскликнула девушка не в силах больше выносить его пристального взгляда. - Просто я спрятала за алтарем свои вещи, потому что утром собиралась убежать из замка.

Дункан нахмурился. Неужели она полагала, что он напрочь лишился рассудка и поверит в такую нелепую историю? Да ни одна женщина не осмелится оставить дом и пуститься в рискованное путешествие, особенно в такое смутное время! Интересно, куда бы она направилась?

Барон принял решение. Ему было ужасно любопытно узнать, как запоет эта пташка, когда узнает, что ее кровать раскрыта.

- Ты можешь взять свои вещи, - медленно проговорил он.

Мадлен не заставила себя упрашивать. К тому же она поверила, что раз уж Векстон позволил ей взять вещи, то не станет задерживать ее в замке и позволит покинуть его.

- А потом я смогу уйти из крепости? - выпалила она не подумав. Господи, как же дрожал ее голос!

- Да, Мадлен, ты оставишь замок, - подтвердил Дункан.

Он даже улыбнулся ей. Девушка никак не могла понять причины такой резкой перемены в настроении барона и, подняв на него глаза, попыталась проникнуть в его мысли. Бесполезная затея! Дункан умел скрывать свои мысли и чувства, и

понять, говорит он правду или лжет, было невозможно.

Нырнув под его руку, Мадлен побежала к алтарю. Барон не отставал от нее ни на шаг.

Джутовый мешок лежал на том самом месте, куда она положила его накануне. Схватив его, Мадлен повернулась к Векстону и хотела уже поблагодарить его, как вдруг заметила на его лице нескрываемое удивление. Слова замерли у нее на устах.

- Вы... вы не поверили мне? - наконец пролепетала девушка.

Дункан лишь усмехнулся в ответ, а затем пошел прочь из церкви. Мадлен поспешила за ним. Руки ее дрожали - наверное, сказывался пережитый ею во время битвы ужас. Она увидела так много крови, так много смертей! Ее желудок опять взбунтовался, и ей оставалось лишь молить Бога о том, чтобы держать себя в руках до того времени, когда барон Векстон и его воины покинут замок.

Как только она вышла из церкви, туда полетели горящие факелы. Языки пламени, точно голодные волки, принялись яростно пожирать добычу.

Мадлен оцепенело смотрела на огонь, пока не поняла, что прижимается к руке Дункана. Она испуганно отскочила в сторону.

Обернувшись, девушка увидела, что все кони стоят в наружном дворе замка. Большинство воинов барона уже сидели верхом и ждали его приказа. В самом центре двора стояло великолепное животное - огромный белый скакун, почти на голову выше остальных лошадей. Белокурый оруженосец держал коня за поводья. Норовистый скакун, несомненно, принадлежал Дункану. Самое подходящее животное для знатного, всемогущего барона...

Дункан повел девушку к коню. Чем ближе они подходили к скакуну, тем страшнее ей становилось.

Господи, кажется, барон никогда не оставит ее!

Глубоко вздохнув, девушка попыталась успокоиться, убеждая себя, что слишком взволнована, чтобы обдумать все как следует. Не может быть, чтобы барон захотел взять ее с собой. Что значила она для него?

Мадлен решила спросить об этом прямо.

– Не хотите же вы взять меня с собой? – робко произнесла она.

Дункан приблизился к Мадлен. Взяв у нее мешок с вещами, он бросил его своему оруженосцу. И так, Мадлен получила ответ на свой вопрос. Она недоуменно уставилась на барона, который легко вскочил в седло и протянул ей руку.

Мадлен медленно отступала назад. Господи, она ни за что не повинуется барону! Если она попробует взобраться на великана скакуна, то лишится сознания или, хуже того, закричит. Честно говоря, она предпочитала смерть такому унижению.

Скакуна Мадлен боялась куда больше, чем барона. К несчастью, у нее не было ни малейших навыков верховой езды. Правда, несколько уроков она все же получила, будучи еще совсем маленькой, – Луддон обучал ее ездить верхом, но делал это лишь для того, чтобы лишний раз показать сестре свою власть над ней. Воспоминания об этих «уроках» до сих пор преследовали девушку в кошмарных снах.

Мадлен сделала еще один шаг назад, а потом отрицательно покачала головой, отказываясь от помощи Дункана. Она приняла окончательное решение: пусть барон лучше убьет ее, чем она согласится забраться на этого огромного коня.

Не задумываясь о том, куда пойдет, Мадлен повернулась и побрела прочь. Ее сотрясала такая неистовая дрожь, что она несколько раз споткнулась. Паника все сильнее охватывала девушку, завладевая всем ее существом, и все же она упрямо шла вперед, с трудом передвигая ноги.

Она остановилась, едва не наступив на недвижимое тело одного из воинов Луддона. Лицо этого человека превратилось в кровавое месиво. Это было больше, чем Мадлен могла вынести. Оцепенело глядя на мертвое тело, девушка застыла на месте посреди поля битвы и вдруг услышала донесшийся откуда-то дикий, леденящий душу вопль. Мадлен попыталась зажать уши руками, но это

не помогло. Ужасный звук не становился тише.

Мадлен закричала, и Дункан тут же пустил своего коня вперед. Подъехав к девушке, он наклонился и без труда поднял и посадил ее перед собой в седло.

Едва барон коснулся ее, Мадлен умолкла. Дункан расправил свой тяжелый плащ, укутывая им девушку. Ее щека оказалась прижатой к стальным колечкам кольчуги, и барон бережно подложил под голову Мадлен капюшон ее плаща. Векстон не задавался вопросом, почему он так ласков с этой женщиной. Просто перед его внутренним взором встала картина, когда Мадлен сидела перед ним на коленях, согревая своим теплом его почти отмороженные ноги. Это было проявлением истинной доброты. И теперь он не мог не отплатить ей той же монетой. К тому же он один был ответственен за то, что Мадлен перенесла столь тяжкое потрясение.

Барон тяжело вздохнул. Он не мог не сделать того, что сделал! Черт, сначала все шло так хорошо! План был отличный, но эта женщина смешала ему все карты...

Теперь все надо было обдумывать заново. Сама того не желая, Мадлен все усложнила своим поступком. Однако, к собственному изумлению, Векстон понял, что уже никогда не сможет отпустить от себя Мадлен.

Крепче прижав пленницу к себе, барон подал своим людям знак отправляться в дорогу. Сам он замыкал строй. Когда последний воин выехал из крепости и с бароном остались лишь его оруженосец и Джилард, Дункан на мгновение задержался, чтобы оглянуться на разрушенный замок.

Мадлен подняла голову вверх, чтобы увидеть лицо Векстона. Вероятно, он почувствовал на себе ее взгляд и, опустив глаза, встретился с ее взором.

- Что ж, око за око, Мадлен, - тихо проговорил он.

Девушка ждала, что Дункан объяснит ей, чем заслужил Луддон подобное жестокое мщение, но барон лишь пристально глядел на девушку, явно не собираясь объяснять свои действия. Мадлен поняла, что победителей не судят.

Девушка оглянулась на руины замка. Ей припомнилась одна из историй ее дядюшки, священника отца Бертон, который много рассказывал ей о Пунических войнах. Святая Церковь не одобрила бы этого, однако Бертон это не смущало, и он как мог просвещал свою подопечную.

Поле боя, открывшееся взору Мадлен, напомнило ей историю о Карфагене. Во время третьей – и последней – из войн, где сошлись две могущественные силы, победители уничтожили павший Карфаген. То, что нельзя было превратить в пепел, закопали в землю. Не осталось камня на камне. А под конец победители засыпали все поля, окружавшие древний город, солью, чтобы ничего больше не росло на этой земле...

Этой ночью история как бы повторилась во владениях Луддона.

– Delenda est Carthago[1 - Карфаген должен быть разрушен (лат.). – Здесь и далее примеч. пер.], – прошептала Мадлен.

Дункана удивило замечание девушки: он не ожидал, что она столь образованна.

– Ты права, Мадлен, – произнес он. – Замок твоего братца, как и Карфаген, следовало разрушить.

– А я... я, как и Луд... – Мадлен осеклась, не желая произносить вслух имя брата. – Меня вы тоже относите к карфагенянам?

– Нет, Мадлен, не отношу. – Указательным пальцем барон приподнял вверх ее подбородок.

Удовлетворенно кивнув, Мадлен закрыла глаза и прижалась к широкой груди Векстона.

– Больше ты не принадлежишь Луддону, Мадлен. С этого мгновения ты принадлежишь только мне. Поняла?

Девушка еще раз кивнула.

Лишь сейчас барон Векстон осознал, как напугана Мадлен. Посмотрев на нее долгим взглядом, он прикрыл лицо девушки плащом.

Из своего уютного укрытия она прошептала:

- Думаю, мне бы лучше не принадлежать никому.

Дункан слышал ее слова. Улыбка осветила его лицо. Ему было все равно, чего хочет леди Мадлен. В любом случае с этой ночи он ее господин.

Леди Мадлен сама выбрала свою судьбу, согрев Векстону ноги.

Глава 3

Совершить несправедливость позорнее, чем пострадать от нее.

Платон

Всю оставшуюся часть ночи и почти весь следующий день они скакали на север, остановившись лишь два раза, чтобы дать лошадям передышку. Барон отпускал свою пленницу пройтись, но ее тело так ломило от долгой езды, что она едва могла шевелить ногами. Не успевала Мадлен сделать и нескольких шагов и размять затекшие мышцы, как снова оказывалась в седле перед Дунканом.

Чувствуя себя в безопасности в окружении своих воинов, Векстон решил ехать большой дорогой. Впрочем, и она была вся в густых зарослях, колючие ветви то и дело задевали головы всадников, вынужденных прикрываться щитами. Но Мадлен, надежно укрытая плащом барона, не испытывала никаких неудобств.

Изнуряющая езда продолжалась почти два дня. К тому времени когда Дункан объявил, что эту ночь они проведут в скрытой от глаз лесной долине, Мадлен окончательно решила, что тот, кто похитил ее, не принадлежит к человеческой породе. Она знала, что на кресте герба Векстонов изображен силуэт злобного и хитрого хищника, к тому же барона за глаза называли Волком, но только теперь девушка поняла почему. Полумертвая от усталости, она воображала, что

матерью Дункана была дьяволица, а отцом – огромный страшный волк. Ничем иным нельзя было объяснить необыкновенную выносливость барона.

Когда они наконец остановились на ночлег, Мадлен умирала от голода. Присев на большой валун, она наблюдала, как воины ухаживают за лошадьми – чистят и кормят их. Ей было хорошо известно, что кони всегда составляют предмет особой заботы воинов – ведь без этих благородных животных им не обойтись. Да-а... Прежде всего воины думали о лошадях...

Вскоре вокруг засветились огоньками небольшие костры, возле которых расположились усталые люди, мечтавшие об отдыхе и еде. Их скудный ужин состоял из черствого хлеба и не менее черствого сыра. По кругу передавались кубки, наполненные горьковатым элем. Мадлен обратила внимание на то, что воины пили очень мало; похоже, осторожность брала верх над жаждой: воины хорошо знали, что не смогут забыться беззаботным сном в этом незащищенном месте. Ведь всегда существовала опасность нападения шайки бродячих бандитов, которые только и ждали, чтобы напасть на тех, кто слабее; кроме того, в лесу могли водиться дикие звери.

Оруженосец Дункана был предоставлен в распоряжение Мадлен. Юношу звали Ансель, и, судя по его хмурому виду, он был далеко не в восторге от приказания своего господина.

Чем дальше они подвигались на север, тем ближе были к тайной цели Мадлен, и это служило ей некоторым утешением. Дело в том, что уже давно девушка твердо решила бежать – она собиралась добраться до Шотландии, где жила ее двоюродная сестра Эдвита. Мадлен понимала, что ее желание практически почти невыполнимо. Пешком ей далеко не уйти; можно было, конечно, взять старую клячу из стада Луддона, которая не сумела бы скинуть Мадлен с седла, да только эта кляча едва смогла бы выдержать долгое путешествие. Так что без выносливой лошади и подходящей одежды побег был равносителен самоубийству. К тому же маршрут, нарисованный старым Саймоном по памяти, вряд ли помог бы девушке.

Но несмотря на то что Мадлен осознавала всю нелепость своего плана, она решила не отступать от него. Похоже, от обителища Дункана до шотландской границы рукой подать. Вот только где находится дом ее кузины? Может, она даже пешком до него сможет дойти?

Что и говорить, препятствий на ее пути будет немало. Поначалу следует хорошенько обдумать, где достать все необходимое для путешествия. Во-первых, ей понадобится хорошая лошадь, во-вторых, еда, а в-третьих, Божье благословение. Размышляя о том, не попросить ли прежде всего Господнее благословение, девушка вдруг увидела Дункана, направлявшегося к центру лагеря. Господи, вот оно, самое большое препятствие! Да-а... Этого недочеловека нелегко будет провести!

С тех пор как они покинули замок Луддона, Векстон не обронил ни слова. Мадлен не понимала, что он имел в виду, говоря, что она теперь полностью принадлежит только ему. Ах, как ей хотелось набраться храбрости и потребовать объяснений, но барон был так холоден и непрístupен, что Мадлен боялась даже приблизиться к нему.

Боже, как она устала! Не стоит сейчас думать о Дункане. Главное – отдохнуть, а уж потом она решит, как ей выбраться из плена. Ведь побег – это козырная карта пленника, не так ли?

Однако Мадлен была совершенно неопытна в подобных делах. Что толку в том, что она умела читать и писать, тогда как большинство знатных господ не умели даже написать свое имя и прибегали к помощи священника.

Впрочем, Мадлен не обижалась на своего дядю за то, что, кроме грамоты, он немногому сумел ее научить. Зато дядюшка с восторгом рассказывал ей всякие истории из далекой древности. Его любимой был миф об Одиссее. Легендарный воин стал настоящим другом Мадлен с раннего детства, когда она еще всего боялась. Она часто воображала, что Одиссей сидит рядом с ней, помогая скоротать долгие, темные ночи, когда Мадлен особенно боялась того, что придет Луддон и заберет ее с собой.

Луддон! При одном воспоминании о нем Мадлен начинало подташнивать. Это из-за него она ничего толком не умела делать! Даже верхом ездить! Когда Мадлен было шесть лет, брат несколько раз сажал ее на коня, и каждый из этих «уроков» она помнила так ясно, словно они состоялись только вчера. Луддон беспрерывно орал, что она дуреха, неумеха и держится в седле, как мешок с сеном.

А что началось, когда брат понял, как она боится!.. Луддон привязывал сестру к седлу и пускал лошадь галопом. Ее ужас доставлял Луддону удовольствие. Этот кошмар продолжался до тех пор, пока девочка не научилась скрывать своих чувств, – лишь тогда брат прекратил свои садистские развлечения.

Мадлен помнила, что отец и брат никогда не любили ее, а она изо всех сил старалась хоть чем-нибудь завоевать их расположение. Когда девочке исполнилось восемь лет, ее ненадолго отправили к отцу Бертону, но короткая поездка неожиданно обернулась долгими спокойными годами в обществе младшего брата ее матери. Священник делал все возможное, чтобы лучше воспитать ее, и постоянно твердил племяннице, что в дурном отношении к ней брата и отца никакой ее вины не было.

Да, дядя Бертон был добрым и хорошим человеком. Он многому научил ее и любил как родной отец. Бертон объяснял Мадлен, что Луддон презирает всех женщин, но сердцем она ему не верила. Ведь брат заботился о своих старших сестрах. И Сара, и Кларисса получили хорошее образование, обеим было дано богатое приданое, хотя вышла замуж только Кларисса.

Отец Бертон объяснил племяннице, что родной отец не любил Мадлен потому, что она была очень похожа на свою мать. Женившись на ней и обменявшись с ней священными брачными клятвами, отец фактически почти сразу бросил ее, хотя Бертон и не понимал, чем это было вызвано. Девушка почти не помнила свои ранние годы, но душа ее наполнялась теплом, когда она думала о маме; материнская любовь надежно защищала ее тогда от издевательств брата.

Только Луддон знал ответы на недоуменные вопросы Мадлен. Может, в один прекрасный день он объяснит ей все и тогда она поймет? А вместе с пониманием придет и душевное исцеление...

«Господи, надо отбросить все эти мрачные воспоминания», – решила Мадлен. Спрыгнув с валуна на землю, она побрела вдоль лагеря, сторонясь мужчин.

Зайдя подальше в глухой лес и убедившись в том, что никто ее не преследует, девушка смогла наконец немного заняться собой. По пути к лагерю Мадлен заметила маленький ручеек. Его поверхность подернулась льдом, но она палкой разбила его и, опустившись на колени, умыла лицо и руки. Затем она вдосталь напилась ледяной, но великолепной на вкус воды.

Вдруг Мадлен почувствовала на себе чей-то взгляд. Резко обернувшись и едва не потеряв при этом равновесия, Мадлен увидела Дункана.

- Пойдем, Мадлен, - позвал он. - Пора отдохнуть.

Не дав ей опомниться, барон взял пленницу за руки. В его огромной руке умещались обе ее ладони. Векстон держал ее крепко, но нежно и не отпускал до тех пор, пока они не подошли к его палатке - необычному сооружению из накинутых на согнутые ветки звериных шкур. Шкуры отлично защищали от ветра, который все усиливался. Еще одна толстая шкура покрывала земляной пол. Отблеск ближайшего костра отбрасывал на шкуры причудливые тени, придавая временному жилищу своеобразный уют.

Дункан знаком предложил Мадлен войти в палатку. Она повиновалась, но лечь или сесть там не смогла - толстая шкура, лежавшая на земле, промерзла насквозь, и Мадлен показалось, словно она опустилась на льдину.

Сложив руки на груди, барон молча наблюдал за ее попытками устроиться на ночлег. Мадлен молчала, решив, что скорее умрет, чем проронит хоть слово.

Внезапно Дункан поднял ее на ноги, едва не опрокинув палатку, снял с пленницы плащ и, встав на одно колено, положил его поверх шкуры.

Мадлен думала, что эта палатка предназначена лишь ей, но Векстон растянулся во всю длину палатки. Девушка разозлилась, решив, что барон забрал ее плащ для собственного удобства. Почему бы не оставить ее в крепости Луддона, если он собирался заморозить ее в лесу? К чему тащить ее за собой на край земли?!

Но не успела она произнести и слова, как Дункан схватил ее и рывком бросил на себя, не обращая внимания на ее протестующие возгласы. Затем он повернулся на бок, увлекаемая Мадлен за собой, и закутал их обоих в свой плащ. Макушка Мадлен оказалась под его подбородком, лицо уткнулось барону в шею.

В страхе Мадлен попыталась вырваться, но Дункан крепко держал ее.

- Мне неудобно так... - пробормотала она. - Мне нечем дышать.

– Не выдумывай, – возразил барон.

Мадлен показалось, что Векстон просто насмехается над ней, и в сердцах даже забыла о своем страхе. Тут она вспомнила, что руки ее свободны, и она что было сил вцепилась в плечи барона. Дункан снял кольчугу и остался лишь в тонкой рубашке, облегающей широкие мускулистые плечи. Мадлен чувствовала, какая могучая сила исходит от его тела. Но Господи, она даже не могла впиться ногтями в его плоть – кожа Векстона была так же неподатлива, как и его упрямый характер.

Впрочем, грудь его под ее щекой была теплой, почти горячей, и, к своему смущению, девушка почувствовала, что ей приятно прижиматься к ней. От него исходил запах кожи и еще одурманивающий мужской запах. Его дыхание приятно согревало ей шею. Смутившись еще больше, Мадлен вновь попыталась вырваться, стараясь стряхнуть с себя сонное оцепенение, овладевшее всем ее существом.

Наконец это надоело Дункану. Глубоко вздохнув, он схватил обе ее руки и засунул себе под рубашку, прижав ладони девушки к своей груди. Пальцы Мадлен задрожали, коснувшись покрывавшей ее поросли курчавых волос.

Но почему же ей так тепло и уютно сейчас здесь, когда снаружи такой холод? Близость Дункана будила в девушке инстинкты, о которых Мадлен прежде и не подозревала. Она ощущала, как его жаркая плоть все сильнее прижималась к ней, прожигая тонкую ткань платья.

И вдруг в голову Мадлен закралась ужаснувшая ее мысль. Не так ли мужчина овладевает женщиной? Однако она слышала, что при этом женщина должна лежать на спине, и решила, что пока ей ничего не угрожает. Мадлен помнила разговоры Марты с другими служанками. Та всегда начинала все свои истории с того, что она лежала перед кем-то на спине. Теперь Мадлен пожалела, что ни разу не дослушала ни одной истории Марты до конца – этим она могла бы восполнить недостаток своего образования в некоторых вещах.

Впрочем, порядочная женщина и настоящая леди вообще не должна думать о всяких глупостях.

Конечно, во всем был виноват Дункан. Может, он прижал ее так близко к себе, чтобы потом посмеяться над ней? Будь у него что плохое на уме, он вполне мог бы сделать с ней все что угодно. Поежившись от этой мысли, Мадлен тут же прекратила сопротивляться. Не стоит раздражать этого варвара. Слава Богу, он хоть не дотрагивался до ее груди. Впрочем, радость была недолгой: барон чуть передвинулся, и груди Мадлен тут же вжались в его тело. К великому стыду Мадлен, соски ее немедленно напряглись.

Векстон снова зашевелился.

- Что за черт... - прорычал он ей прямо в ухо.

Девушка не знала, чем было вызвано это злобное восклицание, зато была почти уверена, что навсегда оглохла.

Когда Дункан вскочил, бормоча какие-то непонятные Мадлен проклятия, она поспешно отодвинулась в сторону, наблюдая за ним краем глаза. Ее похититель начал ощупывать их ложе.

Едва Мадлен вспомнила, что спрятала под подкладку своего плаща кинжал оруженосца барона, как тот выудил оружие и поднял его над головой.

Не сдержавшись, Мадлен нахмурилась.

Дункан ухмыльнулся.

Девушка была так поражена его неожиданной улыбкой, что невольно улыбнулась ему в ответ. И тут же заметила, что глаза Векстона оставались серьезными. Наверное, и ей не стоило улыбаться.

- Для такого робкого существа, Мадлен, каким ты стараешься казаться, ты весьма запаслива, - проговорил он тихо и спокойно. Интересно, хвалил ее барон или насмехался?

- Но вы же силой взяли меня в плен, - напомнила Мадлен. - Если я и запаслива, то лишь потому, что честь велит мне бежать из неволи.

Векстон нахмурился.

– Моя откровенность не нравится вам, милорд? – поинтересовалась девушка. – Пожалуй, мне не следовало говорить с вами. Я хотела бы уснуть, – добавила она. – Постараюсь даже забыть о том, что вы рядом.

В доказательство своих слов Мадлен закрыла глаза.

– Подвинься поближе, Мадлен.

От этого тихого приказания холодок прополз по спине девушки, в горле застрял комок. Ей казалось, что страха в ее душе уже не осталось, но когда, открыв глаза, она увидела, что кончик кинжала нацелен прямо на нее, поняла, что тот час, когда она сможет ничего не бояться, еще далек.

«Что я за трусиха», – подумала Мадлен, медленно придвигаясь к барону. Когда до него оставалось несколько дюймов, девушка замерла, лежа на боку.

– Ну вот, теперь вы довольны? – пробормотала она.

И тут же поняла, что барон совсем недоволен, потому что она оказалась на спине, прижатая к земле всем весом Векстона. Господи, он был так близко, что Мадлен видела даже блеск его серых глаз.

Мадлен не раз слышала, что глаза – зеркало души человека и по ним можно прочесть его мысли. Но глаза Дункана были непроницаемы.

Барон наблюдал за своей пленницей. Ее смущение и раздражало, и веселило его. Положим, он знал, что Мадлен его боится. Но она не плакала и не умоляла отпустить ее. И потом... Господи, до чего же она прекрасна! Ее нос был усыпан очаровательными веснушками, и это нравилось барону. Как нравился и ее рот. «Интересно, каковы на вкус ее губы?» – подумал Дункан и тут же почувствовал, как возбуждается его плоть.

– Вы собираетесь смотреть на меня всю ночь? – спросила Мадлен.

– Возможно, – медленно проговорил тот с усмешкой.

- Тогда и мне придется глядеть на вас ночь напролет, - заявила Мадлен.

- Но почему же, Мадлен? - тихим, хрипловатым голосом спросил Векстон.

- Если вы полагаете, что сумеете воспользоваться тем, что я заснула, вы ошибаетесь, барон.

У нее был такой негодующий вид!

- Но как же я сумею воспользоваться этим, Мадлен? - Барон широко улыбнулся, и на этот раз улыбкой светились и его глаза.

- Я предпочитаю не говорить о подобных вещах, - промолвила она. - И вообще забудьте обо всем, что я вам наболтала.

- И не подумаю, - заметил Дункан. - Стало быть, ты считаешь, что я хочу удовлетворить свою похоть и овладеть тобой во сне?

Векстон так низко наклонился к Мадлен, что почти касался ее губ своим ртом. Ему все больше нравилось ее смущение.

- Вы не посмеете дотронуться до меня, - неожиданно вырвалось у нее. - К тому же вы слишком... устали... и наш лагерь на открытом месте... Нет, - добавила она решительно, - вы не тронете меня.

- Возможно.

Глаза барона горели насмешливым блеском. Неужели ему доставляло удовольствие дразнить ее?

Мадлен решила не сдаваться без боя. Она ударила Дункана, целясь кулаком в его правый глаз. Цель она поразила верно, вот только этот удар, похоже, был больше неудачен для нее, чем для Векстона; во всяком случае, девушка вскрикнула от боли, а барон даже не поморщился. Господи, она едва не сломала себе руку, а ему все нипочем!

– Вы точно из камня сделаны, – простонала Мадлен.

– Зачем тебе это было нужно? – с любопытством спросил Векстон.

– Для того чтобы вы знали, что я буду биться до последней капли крови, если вы позволите себе лишнее, – запинаясь, пробормотала девушка. Ей казалось, что она проявила небывалую храбрость, но дрожь в голосе выдавала ее смятение.

– Так, значит, до последней капли? – улыбнулся Дункан. – Ты слишком решительна в своих заключениях и действиях, – заметил он. – И в этом твоя ошибка.

– Вы угрожали мне, – возразила девушка, – а это непозволительно.

– Не-ет... – протянул барон. – Я ничего такого не говорил, ты сама это придумала.

– Я ведь сестра вашего врага, – напомнила ему Мадлен. – Этого вы не будете отрицать.

«Надо было напомнить Векстону об этом раньше», – подумала она.

– Да, но с закрытыми глазами мне не определить, чья ты сестра, – проговорил Дункан. – Кстати, я слышал, что ты жила со священником, которого лишили сана. Стало быть, была его девкой. Впрочем, мне все равно... В темноте все женщины одинаковы.

Ах, с каким удовольствием Мадлен ударила бы его снова! Она так разволновалась, услышав эту гнусную сплетню, что глаза ее наполнились слезами и она чуть не разрыдалась. Ей хотелось сказать барону, что отец Бертон был замечательным священником и никто не лишал его сана, к тому же он был ее дядей. Кроме него, никто никогда не заботился о Мадлен, никто не любил ее! И как смеет Векстон повторять перед ней грязные слухи!

– Кто же рассказал вам об этом? – хриплым шепотом спросила Мадлен.

Дункан видел, как сильно ранили пленницу его слова. Он, собственно, и сам предполагал, что все эти рассказы были выдумкой. К тому же барон был почти

уверен в невинности девушки.

– Неужели вы думаете, что я стану оправдываться? – насмешливо спросила девушка. – Если вы считаете меня шлюхой – что ж, значит, я шлюха.

С тех пор как они покинули замок Луддона, Мадлен впервые дала волю своему гневу. Барон был очарован ее неправдоподобно яркими голубыми глазами, сверкавшими от злости и негодования. «Можно не сомневаться, – заключил он про себя. – Она и впрямь невинна».

Дункан решил прекратить разговор, чтобы больше не огорчать очаровательную пленницу:

– Ладно, давай спать!

– Я не смогу спать, опасаясь, что вы воспользуетесь этим для удовлетворения своих низких желаний.

– Ты и впрямь считаешь, что сможешь ничего не заметить? – спросил барон, дивясь наивности девушки. – Если я захочу взять тебя, как ты полагаешь, то прежде всего разбужу тебя. Обещаю. Так что закрой глазки и спи.

Обхватив Мадлен, он уложил ее на себя и натянул сверху на обоих свой плащ, твердо решив не думать больше о девушке в эту ночь.

Однако это оказалось не так-то легко. От нее по-прежнему исходил слабый аромат роз, ее тело было мягким и податливым. Ее близость одурманивала Дункана. Он был уверен, что Мадлен уснет еще не скоро.

– И как же вы это назовете? – донесся до него сдавленный голос Мадлен. Дункану пришлось припомнить весь их разговор, прежде чем он понял, что она имеет в виду.

– Ты о том, что я «воспользуюсь» тобой? – уточнил барон. – Изнасилованием, – пробормотал он ей в макушку.

Девушка подскочила, ударившись головой о его подбородок. Терпение барона иссякло. Он решил, что вообще зря вступал с ней в пререкания.

– Я еще ни одну женщину не брал силой, Мадлен. Так что твоя добродетель в безопасности. А теперь давай наконец спать.

– Никогда? – прошептала пленница.

– Никогда! – рявкнул Векстон.

Мадлен поверила ему. Странно, но все ее сомнения внезапно исчезли, и она была убеждена, что во сне Векстон не прикоснется к ней. Удивительно, но ей стала нравиться его близость.

Пригревшись, девушка задремала. Перед тем как окончательно заснуть, она захотела устроиться поудобнее, но барон сердито заворчал и, схватив ее за бедра, удержал на месте. Мадлен решила, что он сердится за то, что она разбудила его своими неловкими движениями.

Теплое дыхание Векстона согревало ее шею. Вздохнув, Мадлен закрыла глаза. Она была далека от того, чтобы поддаться соблазну, но тепло так сладко убаюкивало и пробуждало ненужные мысли. Мадлен вспомнила рассказы об Одиссее, о том, как его соблазняли сирены. Ну конечно, дыхание Дункана действовало на нее точно так, как пение сирен на воинов Одиссея. Античному герою пришлось залепить себе уши воском, чтобы спастись от наваждения.

Мадлен пожалела, что у нее нет подобных средств защиты.

...В лесу сердито завывал ветер, но Мадлен находилась в тепле и безопасности в надежных объятиях своего похитителя. Она была вынуждена признаться себе, что песня сирен заморозила ее.

Ночью девушка проснулась лишь один раз. Спине ее было тепло, а вот грудь и руки мерзли. Очень медленно, чтобы не потревожить Дункана, она повернулась на живот. Положив щеку ему на плечо, руки она засунула под его рубашку.

Мадлен еще спала, когда Векстон потерялся подбородком о ее макушку. Девушка довольно заурчала и теснее прижалась к барону. Его бакенбарды защекотали ей нос, и пленница невольно открыла глаза.

Дункан наблюдал за ней. Его лицо было безмятежным, глаза – теплыми и нежными. Впрочем, губы Векстона были твердо сжаты, и неожиданно для себя девушка подумала о том, что почувствовала бы она, вздумай барон поцеловать ее.

Она не произнесла ни слова, но слегка потянулась к нему. Дункана не надо было уговаривать...

Он так и знал, что поцелуй окажется божественным. У Мадлен были такие мягкие, нежные губы. Она еще не совсем проснулась, поэтому не думала сопротивляться, но рот все же не открывала. Не долго думая барон большим пальцем опустил вниз ее подбородок и проник языком в теплую сладость ее рта так быстро, что Мадлен и не поняла толком, что происходит.

Когда Мадлен робко попыталась вытолкнуть своим язычком его язык, барон перевернул ее на спину и устроился между ее ног. Его ладони нежно сжимали ее щеки.

Руки Мадлен так и оставались под его рубашкой, и она принялась неумело ласкать его грудь, отчего Векстона пробрала дрожь. Барону безумно захотелось взять ее, насладиться ее божественным, податливым телом, но он помнил свое обещание.

Еще никогда в жизни поцелуй не дарил ему такого удовольствия. Векстон не смог бы остановиться, если бы девушку не пробрала вдруг сильная дрожь.

Поцелуй поразил и Мадлен. Она пребывала в сладком оцепенении и совсем не заметила, что барон резко отстранился от нее и упал рядом на спину, закрыв глаза. Лишь прерывистое дыхание напоминало о случившемся.

Мадлен не знала, что делать. Господи, ей было так стыдно! Что это с ней случилось? Она вела себя так развязно... так безнравственно... И, судя по хмурому лицу Дункана, ее поцелуй не доставил ему удовольствия.

Мадлен едва не плакала.

- Дункан! - позвала она.

Ответа не последовало, но по тяжелому вздоху Мадлен поняла, что он ее слышал.

- Прости, пожалуйста, - прошептала девушка.

Барон был так удивлен ее извинением, что широко раскрыл глаза. Все его тело ныло от неудовлетворенного желания.

- За что это ты просишь прощения? - раздраженно спросил он.

Впрочем, он тут же пожалел о резкости своего тона. Похоже, Мадлен опять испугалась его, потому что повернулась к нему спиной. Она сильно дрожала. Векстон уже хотел снова прижать ее к себе, как девушка прошептала:

- За то, что я воспользовалась тобой, твоей заботой... причинила тебе хлопоты...

Дункан не верил своим ушам. Это было самое нелепое извинение из всех, что ему доводилось когда-либо слышать.

Медленная улыбка расплзлась по лицу барона. Господи, он едва сдерживался от смеха, но Мадлен... Мадлен была так серьезна. И внезапно он понял, что ему совсем не безразличны ее чувства. Из его груди вырвался короткий стон.

Девушка услышала его, тут же вообразив, что стон объясняется отвращением к ней.

- Обещаю тебе, Дункан, такого больше не повторится, - прошептала она.

Крепко обняв свою пленницу, барон привлек ее к себе:

- А я обещаю, Мадлен, что обязательно повторится.

Эти слова прозвучали как клятва.

Глава 4

В человеке, имевшем и потерявшем честь, – источник зла.

Барон Луддон был всего в полудне езды от того места, где Дункан и его воины разбили лагерь. Удача сопутствовала Луддону – светила полная, яркая луна, и он мог не делать привала на ночь. У него было столько же воинов, сколько и у Векстона, и ни один из них не пожаловался на неожиданную перемену в планах своего господина.

Сообщение о содеянном Дунканом принес полусумасшедший слуга. Вернувшись к себе, Луддон и его люди увидели, что за «подарок» приготовил им барон Векстон. Луддон и его воины лицезрели изуродованные трупы воинов, оставленных охранять владения их господина. Ярость и жажда мщения объединили всех, и каждый из них поклялся сделать все, чтобы убить Дункана.

Эти люди забыли о своем вероломстве по отношению к барону Векстону и теперь думали только об отмщении.

Луддон решил преследовать Дункана немедленно. У него были на это веские причины. Во-первых, существовала опасность, что раскроется его план погубить Дункана не в открытом бою, а нечестным путем, и тогда он рискует стать посмешищем всего двора, его назовут трусом. Дункан, несомненно, сообщит обо всем Вильгельму II, и король, несмотря на расположение к Луддону, позволит противникам биться насмерть, чтобы положить конец тому, что он сам считает обычным расхождением во мнениях. Король, прозванный Руфусом – что на латинском означает «красный» – за слишком яркий цвет лица и несдержанный нрав, будет раздражен нелепой ссорой обоих аристократов.

Кроме того, Луддон знал, что проиграет Дункану, окажись они один на один на поле битвы. Барон Векстон был непревзойденным воином и много раз демонстрировал свой талант. Можно не сомневаться, что Дункан убьет Луддона, лишь только представится такой шанс.

Сам Луддон тоже обладал некоторыми способностями, но совсем иными, нежели Векстон. Луддон был влиятельным человеком; с его мнением считались при дворе. Он был своего рода личным секретарем монарха, хотя не умел ни читать, ни писать, оставляя это занятие двум придворным священникам. Когда королю предстояло принимать своих подданных, явившихся на аудиенцию, Луддон должен был определять важность дела и соответственно необходимость встречи с королем. В этом качестве Луддон был незаменим и всемогущ и, надо признать, прекрасно справлялся со своим делом, умело манипулируя людьми. Он внушал почтительный страх менее знатым господам, чем он сам, которые охотно платили за возможность встретиться с королем. Луддон помогал им, а его кошелек наполнялся золотом.

Но если теперь станет известно, что Луддон пытался убить Дункана, он может потерять все.

Брат Мадлен считался красивым мужчиной. У него были роскошные светлые волосы в легких завитках, глаза цвета ореха отливали золотом, губы казались изваянными резцом скульптора. Он был высок и строен, хоть и несколько сухощав.

Когда Луддон улыбался, придворные дамы чуть не падали от восторга в обморок. У сестер Луддона – Клариссы и Сары – были такие же прекрасные волосы и точно такие же глаза. Сестры были не менее привлекательны, чем их брат, и многие кавалеры старались добиться их расположения.

Луддон был самым выгодным женихом Англии и мог выбрать любую женщину, какую пожелает. Но любая была ему не нужна. Он хотел Мадлен. Его сводная сестра и была второй причиной ненависти к Дункану. Мадлен вернулась домой всего два месяца назад. Совершенно забыв о ней, Луддон был поражен, увидев, как изменилась девушка. В детстве она казалась ему почти уродливым ребенком. Огромные голубые глаза занимали чуть ли не половину лица. Пухлая нижняя губа капризно кривилась; девочка была до того худой, что это заставляло думать о какой-то болезни... И до чего неловка, неуклюжа! Ее длинные, костлявые ноги постоянно заплетались; когда она пыталась сделать реверанс, то почти всегда спотыкалась.

В то время и подумать было нельзя, что Мадлен станет так похожа на свою покойную мать. Из неуклюжей девчонки она превратилась в такую красавицу, что затмила даже своих сводных сестер. Гадкая гусеница превратилась в

роскошную бабочку. Друзья Луддона почти лишились дара речи, когда видели ее. Моркар, доверенный человек Луддона, сулил ему горы золота за руку Мадлен.

Однако Луддон не был уверен в том, что вообще согласится отдать Мадлен другому мужчине. Впервые спустя долгие годы увидев ее, он почувствовал возбуждение, а ведь до этого женщины никогда не волновали его. Исключением была лишь мать Мадлен. Ах, Рэчел, его любовь! Это из-за нее он смотреть не мог на других женщин. Но теперь у него не было Рэчел – его страсть разлучила их. Луддон надеялся, что со смертью мачехи его одержимость ею пройдет, но оказалось, что одержимость была жива, имя ей было Мадлен. Сводная сестра была его последней возможностью доказать, что он мужчина.

Луддон мучился. В нем спорили страсть и жадность. Ему хотелось получить Мадлен для себя, но хотелось и положить в карман то золото, что предлагали за нее. Впрочем, он не терял надежды, что при известной изворотливости получит и то и другое.

Проснувшись, Мадлен обнаружила, что лежит в довольно нелепой позе. Дункан был снизу. Ее щека покоилась на его твердом и плоском животе, их ноги переплелись, а руки она держала между его ног.

Еще не очнувшись ото сна, она не сразу поняла, где были ее руки. Господи, ее пальцы прижимались к самой интимной части его тела!

Глаза девушки сразу открылись. Она едва дышала от страха. «Пусть он спит, пусть он спит», – молила Мадлен Бога, тихонько высвобождая руки.

– Наконец-то ты проснулась.

Дункан понял, что Мадлен испугана, потому что она мгновенно отпрянула, умудрившись при этом ударить его по наиболее чувствительному месту. Векстон застонал от боли. Господи, еще немного, и она сделает его евнухом!

Мадлен откатилась в сторону, не осмеливаясь глядеть на барона. Конечно, надо бы извиниться за то, что она нечаянно ударила его, но тогда он поймет, что

Мадлен знала, где держала свои руки во сне.

Дункан был таким хмурым, что ему было не до ее извинений, и она решила не беспокоиться.

Вид у Векстона был свирепый. Темная щетина, покрывшая за ночь его лицо, делала его еще более похожим на волка, и он так смотрел на Мадлен, что она начала нервничать. Его руки все еще лежали на ее спине. И тут девушка вспомнила, как он согревал ее ночью. Да он запросто мог овладеть ею! Мадлен понимала, что пытается избавиться от страха перед Векстоном, но вынуждена была признать, что Дункан пугал ее совсем не так, как Луддон.

По сути, это был первый день (с тех пор как она вернулась домой), когда она проснулась, не ежась от ужаса, внушаемого ей братом. Уже то, что поблизости не было Луддона, являлось счастьем.

А Дункан был совсем не похож на Луддона, он мог согреть другого человека, не требуя за это награды. И он держал свое слово. Он не воспользовался... Господи, она же поцеловала его! Внезапно Мадлен явственно вспомнила их поцелуй, и сердце ее забило сильнее.

Мадлен была уверена, что умеет скрывать свои чувства и ее лицо не выдает смятения.

Дункан же удивленно наблюдал за тем, как менялось выражение лица его пленницы. Всего за несколько минут он видел на нем смятение, страх, смущение, и, наконец, как ему показалось, их сменило облегчение.

Векстон обладал способностью легко распознавать мысли других людей. В бою это помогало ему разгадать намерения врага. К тому же он мог быстро определить, чем особенно дорожат его враги. Тогда он отнимал у них самое дорогое. Конечно, это прежде всего касалось мужчин, но он успешно пользовался своим даром и в отношениях с женщинами. Не имея представления об этом, Мадлен невольно раскрывала перед бароном некоторые черты своего характера. Она была сдержанной, старалась владеть своими чувствами и своим поведением доказала ему, что далеко не все женщины действуют под влиянием минутного порыва. Лишь однажды, увидев, как разрушается ее дом, она не смогла сдержать своих чувств. Она кричала от ужаса и при виде изуродованного

воина Луддона...

Да, Векстон постепенно узнавал многое о Мадлен, и чем больше узнавал, тем загадочнее она ему казалась, хотя... Сказать по правде, Мадлен очень нравилась ему.

Дункан отодвинулся от девушки, иначе ему бы не сдержать желания снова поцеловать ее. И вдруг барону захотелось поскорее попасть к себе домой. Ему стало казаться, что он не обретет покоя, пока не спрячет Мадлен за надежными крепостными стенами своего замка.

Векстон потянулся, встал и отвернулся от Мадлен, стараясь хотя бы на время забыть о ней.

Солнце не выглядывало из-за серых туч, а значит, его лучи не растопят тонкий ледок, сковывающий землю. Барону еще многое надо было сделать, прежде чем они продолжат путешествие. Хотя наступающий день и обещал быть морозным, ветер немного стих, и это было на руку Дункану.

Мадлен знала, что скоро они пустятся в дорогу. Обувшись, она стряхнула грязь с платья и закуталась в свой плащ. Понимая, что выглядит не лучшим образом, Мадлен твердо решила привести себя в порядок, как только представится такая возможность.

Она отправилась на поиски Ансея. Оруженосец готовил к походу хозяйского скакуна. Не приближаясь к огромному животному, Мадлен издали окликнула Ансея, спросила его, где ее вещи, и юноша бросил ей мешок.

Поначалу Мадлен хотела только умыться в ручье, но соблазн немного поплескаться в воде был велик, и, вытащив из мешка кусок ароматного мыла, она вся быстро ополоснулась и поменяла рубашку.

Вода была просто ледяной, и когда девушка кончила одеваться, ее трясло от холода. Она надела бледно-желтую нижнюю юбку с золотым шитьем; длинные рукава рубашки были украшены голубыми королевскими кружевами.

Завязав мешок, Мадлен опустилась возле ручья на колени и принялась расчесывать спутавшиеся волосы. Теперь, когда девушка отдохнула и уже не тряслась от страха, она могла спокойно все обдумать. Самым главным, на ее взгляд, было выяснить, зачем Дункан увез ее с собой. Он сказал, что отныне она принадлежит ему. Мадлен не совсем поняла, что это означало, но спросить Векстона об этом не решалась.

Ее размышления у ручья прервало появление Джиларда, посланного на ее поиски. Мадлен обернулась на шум за спиной.

– Пора ехать! – громко рявкнул Джилард и, схватив Мадлен за руку, рывком поднял с земли.

– Мне еще надо заплести волосы, Джилард, – попросила девушка. – Тогда я буду совсем готова. И не кричи так на меня, я очень хорошо слышу.

– Заплести волосы?! – изумленно переспросил Джилард. – Ты еще... – Судя по его виду, Джилард решил, что Мадлен не в своем уме. – Да ты... ты же пленница, – наконец проговорил он заикаясь.

– Я так и думала, – ответила девушка тихим, как утренний ветерок, голоском. – Но разве это означает, что я не могу причесаться перед дорогой?

– Ты окончательно хочешь вывести меня из терпения? – завопил Джилард. – Леди Мадлен, ваше положение очень ненадежно, очень! Или ты слишком глупа, чтобы понять это?

Девушка покачала головой:

– Почему ты так сердит на меня? Все время кричишь! Ты всегда так говоришь или тебя раздражает, что я сестра Луддона?

Джилард ответил не сразу, лицо его побагровело. Мадлен прекрасно понимала, что своими словами приводит его в бешенство, но намеренно решила не менять тона. Джилард явно не умел держать себя в руках, и если она разозлит его как следует, он, возможно, сам того не желая, откроет ей, какая участь ждет ее в недалеком будущем. Джиларда было куда проще понять, чем его старшего

брата. А значит, если действовать толково, то и раскусить его куда проще.

– Но почему меня взяли в плен? – выкрикнула девушка.

Вряд ли стоило об этом спрашивать так прямо, но, похоже, Джилард схватил наживку.

– Твой брат сам определил условия этой войны, Мадлен. И тебе это отлично известно.

– Ничего мне не известно! – взорвалась Мадлен. – Объясни мне все, пожалуйста. Я бы хотела понять.

– Что ты притворяешься невинной девочкой? – огрызнулся Джилард. – Все знают, что происходит в Англии в последние годы.

– Нет, не все, Джилард, – возразила девушка. – Я вернулась в дом своего брата всего два месяца назад. А до этого жила много лет вдалеке от дома и понятия ни о чем не имела.

– Ага, знаю, – ехидно промолвил молодой человек. – Ты жила с этим твоим псевдосвященником. Понимаю...

Мадлен почувствовала, что теряет голову. Ей хотелось зарыдать от тоски. Неужели все верят в эту нелепую сплетню?

– Очень хорошо, – заявил Джилард, не замечая нервного состояния девушки. – Я скажу тебе всю правду, и ты уже не сможешь притворяться, что ничего не знаешь. Воины Луддона напали на жилища двух вассалов Дункана. Они без всякой нужды перебили кучу женщин и ребятишек, а твой брат прикидывался, что пришел к нам как друг, пока его люди не оказались в крепости.

– Но почему?! Почему Луддон поступил так?! Чего он хотел? – Девушка старалась не подать виду, как она напугана словами Джиларда, хотя, в общем, прекрасно знала, что ее братец способен на любую подлость, только вот в данном случае не понимала мотивов его поступка. – Должен же был Луддон понимать, что Дункан будет мстить?

– Да, Мадлен, на это он и надеялся. Он пытался убить Дункана, – добавил Джилард, многозначительно ухмыльнувшись. – Твой брат рвется к власти. Он боится лишь одного человека в Англии – Дункана. Их могущество одинаково. Да, Луддон близок королю, но воины Дункана – лучшие в мире. Король ценит преданность ему Векстона не меньше, чем дружбу с Луддоном.

– Так это сам король допустил подобное вероломство? – удивилась Мадлен.

– Король Вильгельм отказывается наказывать кого-то, не имея веских доказательств, – проговорил Джилард с презрением. – Он не защищает ни Луддона, ни Дункана. Можете мне поверить, леди Мадлен. Но когда король вернется из Нормандии, ему больше не удастся увернуться от решения этого вопроса.

– Так что выходит, Дункан не стал действовать в защиту собственных вассалов? Не смел делать этого? Поэтому он разрушил дом моего брата?

– Неужели ты настолько наивна и веришь в то, что Дункан оставил безнаказанным преступление Луддона? Да он сразу выгнал этих сволочей, людей Луддона, из своих владений и отомстил им.

– Но как он это сделал, Джилард? – прошептала Мадлен. – Он тоже убивал всех – и виновных, и невинных?

– Не-ет, – протянул Джилард. – Женщин и детей не трогали. Мы, Векстоны, – не палачи, Мадлен, и не позволяем себе действовать подобно Луддону. И наши воины не прячутся за чужими цветами, бросаясь в атаку.

– Но Луддон ничего не говорил мне об этом, – возразила Мадлен. – Ты забываешь, что я всего-навсего его сводная сестра. Он считает, что я недостойна того, чтобы знать о его замыслах и судить его дела. – Плечи девушки поникли. Теперь ей многое придется обдумать, многое решить. – А что произойдет, Джилард, если король встанет на сторону Луддона? Что тогда случится с твоим братом?

Джилард услышал нотки страха в ее голосе. «Неужели она беспокоится о Дункане?» – подумал он. Впрочем, такая забота казалась ему бессмысленной – ведь Мадлен была всего лишь пленницей. И все же эта леди была способна

спутать все его карты.

– Дункан – человек горячий, – заявил Джилард. – Если только твой брат осмелится поднять руку на любого из Векстонов, его судьба решена. Дункан не станет ждать возвращения короля в Англию и позволения возглавить поход против этого подонка Луддона. Нет уж, Дункан рассчитается с ним, будет у него на то благословение короля или нет.

– А что ты имел в виду, когда говорил про «любого» из Векстонов? – поинтересовалась Мадлен. – Что, у Дункана был еще один брат, которого убил Луддон?

– Ага, теперь ты скажешь, что ничего не знаешь об Аделе? – со злостью спросил Джилард.

Мадлен почувствовала, что у нее затряслись поджилки от одного только взгляда Джиларда.

– Прошу тебя, – прошептала девушка, опустив голову, – расскажи мне обо всем, я должна все знать. Кто такая Адела?

– Наша сестра.

Мадлен вопросительно глянула на Джиларда:

– Так вы враждуете с Луддоном из-за своей сестры?

Похоже, Мадлен и в самом деле ничего не знала и не понимала, и Джилард пришел в замешательство.

– Наша сестра отправилась ко двору короля, и когда на какое-то время оказалась одна, ее подстерег Луддон. Он изнасиловал ее, Мадлен, и так жестоко избил, что она лишь чудом осталась жива. Тело ее удалось излечить, а вот рассудок – нет.

Потеряв самообладание, Мадлен повернулась спиной к Джиларду, чтобы он не увидел навернувшихся на глаза слез.

- О, это ужасно. Мне так жаль, Джилард...

- Так ты веришь в то, что я тебе рассказал? - резко спросил Джилард. Он хотел убедиться в том, что Мадлен действительно ничего не знала об этой истории.

- Да, - кивнула девушка, - я верю в бо?льшую часть твоей истории. Я знаю, что Луддон может забить до смерти и женщину. Правда, я не думала, что он способен на изнасилование, но раз ты говоришь, что все было именно так, я тебе верю. Мой брат - злой человек. Я не могу защищать его. Но почему ты так недружелюбно относишься ко мне? Ты так кричишь на меня, потому что Луддон запятнал имя Векстонов или потому что очень любишь свою сестру? Скажи!

Разъяренный, Джилард схватил Мадлен за плечи и с силой повернул к себе.

- Конечно, я очень люблю свою сестру! - заорал он. - Ведь ты знаешь - око за око, Мадлен! Мы отняли у Луддона то, что он больше всего ценит. Это ты! Он придет за тобой и умрет!

- Значит, я в ответе за грехи брата?

- Ты приманка, с помощью которой мы вытянем демона из его логова, - ответил брат Дункана.

- В этом плане есть лишь один изъян, - дрожащим от стыда голосом прошептала Мадлен. - Луддон не приедет за мной. Я ничего для него не значу.

- Луддон не дурак! - гневно крикнул Джилард, внезапно поняв, что имела в виду Мадлен.

Ни он, ни Мадлен не слышали приближения Дункана.

- Руки прочь от нее, Джилард! Быстро!

Джилард мгновенно повиновался, убрал руки с плеч Мадлен и даже отступил на пару шагов от пленницы брата.

Барон бросил на Джиларда испепеляющий взгляд, не понимая, почему плачет девушка.

Встав между братьями, Мадлен повернулась к Дункану.

- Джилард ничего дурного мне не сделал, - объяснила она. - Твой брат просто рассказал мне, как меня собираются использовать. Вот и все.

Прежде чем барон успел вникнуть в подробности, Мадлен подняла мешок со своими вещами и промолвила:

- Пора ехать.

Чтобы вернуться в лагерь, надо было обойти Джиларда, и Дункан видел, как торопливо его брат ушел с дороги Мадлен. Джилард казался взволнованным.

- Она хочет, чтобы я поверил в ее невиновность, - пробормотал он.

- Мадлен сама тебе это сказала? - спросил Дункан.

- Не-а, этого она не говорила, - признался Джилард, пожав плечами. - Она и не думала себя защищать, Дункан, а просто притворялась этакой невинной овечкой. Черт, я ничего не понимаю! Кажется, она вообще ничего не знала о нашей сестре, и, по-моему, она не прикидывалась. У нее был просто ошеломленный вид. Я ее совсем не понимаю, - признался Джилард. - По-моему, Дункан, чем быстрее мы выполним наш план, тем лучше. Леди Мадлен совсем не такая, как мы ожидали.

- Да-а, - протянул барон. - Она исключение. Господи, она даже не знает себе цены. - Дункан вздохнул. - Ладно, пора ехать. Если поторопимся, будем дома до темноты.

Джилард кивнул.

По пути в лагерь Мадлен твердо решила, что никуда не поедет. Она встала посреди лужайки, запахнувшись в плащ. Ансель уже забрал ее мешок, но она не стала спорить с оруженосцем. Ее не волновала потеря вещей - пусть Дункан их

увезет. Видит Бог, ее вообще больше ничего не волновало. Она просто хотела остаться одна.

Барон кивком головы указал Мадлен на коня, а сам направился к Анселю, но внезапно резко остановился и повернулся к своей пленнице, не поверив до конца в то, что услышал и увидел.

Она опять сказала ему «нет». Дункан был так поражен этим, что даже сразу не понял, в чем дело. Девушка в третий раз покачала головой, а затем повернулась и направилась в лес.

– Мадлен!

Бешеный рык барона остановил ее. Мадлен остановилась, моля Бога дать ей мужество.

– Садись на коня! Живо!

Он нагнал ее, и они долго смотрели друг другу в глаза. Внезапно девушка заметила, что все вокруг бросили свои дела и уставились на них. Дункан не мог схватить ее на глазах своих воинов – она прочла это в его взгляде.

Приблизившись к барону настолько, чтобы можно было говорить шепотом, Мадлен сказала:

– Я не поеду с тобой, Дункан. Если бы ты не был так упрям, то давно бы понял, что Луддон не будет меня разыскивать. Ты зря тратишь время. Оставь меня здесь.

– Оставить тебя в глухом лесу? – так же тихо, чтобы их не слышали, проговорил Векстон. – Да ты тут и часа не протянешь.

– Я переживала еще и не такое, милорд, – гордо промолвила девушка. – Я приняла решение, барон. Я не поеду с вами.

– Мадлен, осмелюсь мужчина послушаться моего приказа, как это сделала ты, у него даже времени бы не хватило на похвальбу своим поступком – так быстро я

отправил бы его на тот свет. Когда я приказываю, то не терплю возражений. И не вздумай больше мотать головой, не то я живо швырну тебя на землю. – Едва промолвив эти слова, Дункан пожалел об этом. Он схватил девушку за руку, но, увидев, как она скривилась от боли, тут же отпустил ее, ожидая, что пленница сразу помчится в лес.

Но Мадлен не двинулась с места.

– Меня не раз швыряли на землю, – процедила она сквозь зубы, с ледяным спокойствием взирая на своего похитителя, – так что вы будете не первым. А когда я встану, можете снова ударить меня – и я опять упаду.

По ее тону барон понял, что девушка говорит правду и что, кроме Луддона, никто не был способен на такую низость.

– Но почему твой брат...

– Это не важно, – перебила его Мадлен. Она уже сожалела, что затеяла этот разговор. Ей не нужны были ни сожаление, ни симпатия. Она хотела, чтобы ее оставили одну.

Дункан вздохнул:

– Садись на коня, Мадлен.

Девушка мгновенно лишилась своей дерзости и отваги, едва увидев, как дергается щека барона.

Векстон что-то тихо прорычал и, указав Мадлен на своего скакуна, слегка подтолкнул ее к нему.

– Теперь у меня есть еще один повод разделаться с Луддоном, – пробормотал он.

Взглянув на барона, девушка поняла, что его терпению вот-вот придет конец и что спорить с ним бесполезно. Не важно, как она поведет себя теперь, – Дункан все равно не отпустит ее.

Тяжко вздохнув, пленница покорно побрела к коню.

Воины по-прежнему с любопытством смотрели на них. Мадлен старалась держаться спокойно, и это удавалось ей, но сердце ее трепетало все сильнее. Она еще не пришла в себя после стычки с Дунканом, а тут у нее появилась новая забота. Оказаться в седле, поднятой туда огромной ручищей Векстона, было легко, забраться на скакуна самой – куда труднее.

– Какая же я трусиха, – пробормотала девушка про себя, невольно вспоминая отца Бертон, частенько беседовавшего с самим собой. – Ах, видел бы меня сейчас отец Бертон! Ему стало бы стыдно. Подумаешь, какая опасность – взобраться на исполинского коня. И стоит ли мне беспокоиться, если скакун Дункана все равно затопчет меня? Я ведь уже буду мертва.

Рассуждая таким образом и иронизируя над собой, Мадлен постепенно избавлялась от страха. Она уже почти успокоилась, как вдруг прямо перед собой увидела скакуна Дункана, казалось, наблюдавшего за ней. При виде Мадлен он принялся рыть копытами землю и громко зафыркал. «Похоже, у коня такой же характер, как и у его хозяина», – подумала Мадлен.

Набравшись храбрости, она подошла к скакуну сбоку. Ему это, видно, не понравилось, и он попытался лягнуть девушку задней ногой. Мадлен потянулась было к седлу, но конь взбрыкнул, и она поспешно отскочила назад.

– Ты куда больше меня, а вот ума у тебя нет, – подбоченившись, возмущенно проговорила девушка.

К ее удовлетворению, конь, казалось, дружелюбно покосился на нее.

Улыбнувшись, Мадлен робко шагнула к его голове и, взглянув ему в глаза, ухватила за уздцы, нагнула голову животного вниз, а затем тихонько начала шептать ему в ухо:

– Понимаешь, я не умею ездить верхом, поэтому так боюсь тебя. Ты такой сильный, что можешь насмерть затоптать меня. Я не знаю твоего имени, но если бы ты принадлежал мне, я назвала бы тебя Силеном. Это имя одного из моих любимых античных богов. Могущественный, дикий – совсем как ты. Да-а, Силен – самое подходящее для тебя имя. – Закончив свой монолог, Мадлен отпустила

поводья. – Силен, твой хозяин приказал мне забраться к тебе на спину. Стой спокойно, пожалуйста, потому что я очень тебя боюсь.

Дункан уже надел боевые доспехи. Стоя на противоположном конце поляны, он с удивлением наблюдал за тем, как Мадлен разговаривает с его конем. Он не слышал ни слова, но видел, что девушка пытается взобраться на скакуна не с той стороны. Он уже хотел было крикнуть, чтобы она отошла в сторону, а то конь встанет на дыбы, как слова застыли у него на устах, потому что девушка, подтянувшись, вскочила в седло. Она делала все не так, как следует, но... все же справилась. Барон облегченно вздохнул. Обычно очень резвый, скакун стоял неподвижно и терпеливо ждал, пока девушка неуклюже устраивалась на его спине. И черт ее возьми, если она потом не наклонилась к уху коня и не прошептала ему что-то!

– Ты видел то же, что и я? – спросил из-за спины барона Джилард.

Дункан кивнул, но не обернулся, продолжая наблюдать за Мадлен. Улыбка чуть тронула его крепко сжатые губы.

– Интересно, кто учил ее ездить верхом? – удивленно пробормотал Джилард. – По-моему, она не знает самых азов.

– Да никто ее не учил, – заметил Дункан. – Это ясно. Странно только, что мой конь был так терпелив. – Покачав головой, он направился к Мадлен, уже сидящей на Силене.

С другой стороны к девушке уже спешил молодой оруженосец барона. Его веснушчатое лицо расплылось в широкой улыбке, когда он проговорил:

– Ты должна забираться на коня слева. – С этими словами он взял девушку за руку, словно намереваясь стянуть ее на землю и дать ей возможность вскочить в седло по всем правилам. Но тут конь увидел хозяина и заплясал на месте, отчего Ансель тут же отлетел в сторону.

– Не смей больше никогда дотрагиваться до нее! – взревел барон.

Оруженосец мигом вскочил на ноги и послушно кивнул хозяину.

Увидев, что барон тоже собирается вспрыгнуть на коня, Мадлен зажмурила глаза, опасаясь, что тут же слетит на землю. Однако Векстон легко вскочил в седло и тесно прижал девушку к себе, закутав ее в теплый плащ.

– Ты не лучше Луддона, – тихо пробормотала Мадлен. – Думаешь, я не заметила, что ты даже не похоронил погибших, спеша убраться из замка моего брата? Ты безжалостен. Ты убиваешь людей, не испытывая угрызений совести.

Дункан едва сдержался, чтобы не схватить пленницу за шиворот и не тряхнуть как следует.

– Мадлен, мы не похоронили мертвых, потому что никто из моих воинов не погиб. Все это были воины Луддона.

– Ты хочешь, чтобы я поверила, будто твои воины настолько превосходят воинов Луддона, что...

– Мадлен, я бы хотел, чтобы ты перестала испытывать мое терпение! – воскликнул Дункан.

Похоже, барон не шутил, потому что набросил на голову Мадлен капюшон.

«Он ужасный, бессердечный человек, – думала девушка. – Иначе разве смог бы он убивать людей так легко...»

Сама Мадлен и думать не могла о том, чтобы лишить кого-то жизни. Проведя долгие годы в обществе отца Бертон и двух его служителей, она была совсем не готова иметь дело с личностями, подобными Луддону или Дункану.

Мадлен считала покорность и кротость необходимыми для человека качествами. Говоря с братом, она никогда ему не возражала, хотя все ее существо противилось этому. Она молила Бога, чтобы душа ее не стала такой же темной, как у Луддона, – ведь они оба были детьми одного отца. Девушке хотелось верить, что от матери она унаследовала доброту и другие хорошие черты, а от отца ей удалось не унаследовать плохих. Не глупо ли было надеяться на это?

Мадлен быстро устала, и ей стало не до раздумий. Похоже, ей нелегко будет перенести этот день. Нервы девушки были напряжены до предела. Мадлен слышала, как один из воинов обронил, что они уже почти дома, и с той минуты каждый час, проведенный в дороге, казался ей вечностью – вероятно, в ожидании того, что впереди вот-вот появится жилище Векстонов.

Чем дальше, тем круче становились пригорки, тем больше встречалось на пути ущелий; всадники уже не могли ехать с обычной для них скоростью. Мадлен все время боялась, что их скакун споткнется, и бо?льшую часть этого долгого, трудного дня она, закрыв глаза, жалась к Дункану. Страх доводил ее до изнеможения – она была уверена, что Силен непременно свалится в одно из ущелий: ведь конь как будто получал удовольствие, проходя по самому краю пропасти.

Вскоре один из воинов прокричал радостную весть – они добрались до земель Векстонов. Эхо разнесло его крик по горам. Мадлен с облегчением вздохнула. Она слишком устала, чтобы беспокоиться о том, что встретит ее в замке Дункана. В это мгновение ее радовала одна мысль о том, что скоро она сможет слезть с Силен и очутиться на твердой земле.

За день сильно похолодало. Мадлен все нетерпеливее вглядывалась в даль, пытаясь увидеть замок барона, но он все не показывался.

Уже темнело, когда Дункан дал знак устроить привал. Собственно, это Джилард уговорил его сделать остановку. Услышав их громкий спор, девушка решила, что барон не собирался останавливаться. Впрочем, похоже, Джилард ничуть не обиделся на грубые слова брата.

– Ты, выходит, слабее нашей пленницы? – с усмешкой спросил Дункан брата.

– Да у меня уже ноги онемели, – пожав плечами, ответил Джилард.

– А вот леди Мадлен и не подумала жаловаться, – проворчал барон, делая своим людям знак остановиться.

– Твоя пленница слишком напугана, чтобы вообще произнести хоть слово, – огрызнулся Джилард. – Небось плачет там потихоньку у тебя под плащом.

– Не думаю, – промолвил Дункан, приподымая полу плаща, чтобы взглянуть на девушку. – Ну как, Джилард, ты видишь слезы на ее лице? – довольным тоном спросил он.

Джилард покачал головой. Похоже, Дункан хотел дать почувствовать Мадлен превосходство над братом. Однако это ничуть не обидело Джиларда, и он лишь усмехнулся. Ему хотелось только вытянуть ноги да хлебнуть эля.

– Видно, твоя пленница до того глупа, что и страха не знает, – язвительно заметил Джилард.

Это замечание не понравилось Дункану. Он бросил на Джиларда такой свирепый взгляд, что тот бегом бросился прочь и исчез среди деревьев. Векстон медленно слез с коня и повернулся к Мадлен. Девушка положила руки ему на плечи, чтобы он помог ей спуститься на землю. Она даже попыталась улыбнуться.

Но Дункан не ответил ей улыбкой и не спешил помочь ей слезть с коня. Взяв Мадлен за талию, он слегка потянул ее к себе, а затем замер, глядя ей прямо в глаза.

Вытянув ноги, Мадлен, не сдержавшись, застонала от боли.

Дункан лишь улыбнулся. Девушке захотелось закричать на него, хотя обычно она редко на кого повышала голос. У нее был мягкий, покладистый характер. Отец Бертон нередко говорил ей об этом.

И вот этот нахал пытается вывести Мадлен из себя! Но она этого не допустит. Дункан зря старается и может сколько угодно смеяться над ее страданиями. Она твердо решила держать себя в руках. Векстон внимательно смотрел на пленницу, словно пытался найти ответ на какой-то мучающий его вопрос. Потом его взгляд остановился на ее губах. Мадлен сперва не заметила этого, но затем внезапно осознала, что тоже не отводит взора от его губ, и залилась краской.

– Ты уже можешь отпустить меня, – проговорила она, награждая барона высокомерным, как ей казалось, взглядом.

– Если я это сделаю, ты немедленно свалишься на землю, – заметил Дункан.

– Тебе это, конечно, доставит удовольствие? – Мадлен старалась не повышать голоса.

Пожав плечами, Дункан отпустил руки, и, конечно, Мадлен точно упала бы, не схватись она вовремя за руку барона. Кажется, ее ноги забыли о своем предназначении.

– Я не привыкла так много времени проводить в седле, – прошептала девушка.

Барон был иного мнения – он был уверен, что Мадлен вообще не умеет ездить верхом. Господи, эта женщина то и дело ставила его в тупик! На диво грациозная, Мадлен бывала и весьма неуклюжей. Она столько раз ударялась макушкой о подбородок Векстона, что у нее, пожалуй, сейчас вся голова в синяках.

Мадлен не представляла, о чем думал Векстон, но не сходявшая с его губ улыбка смущала ее. Повернувшись к Дункану спиной, девушка медленно побрела в лес. Она потихоньку, по-старушечьи передвигала ноги и надеялась лишь, что Векстон не смотрит ей вслед.

Мадлен бродила вокруг лагеря среди деревьев в надежде размять уставшие мышцы до того, как ей снова придется забираться на Силену. Сама того не замечая, она постепенно забредала все дальше.

Похоже, Дункан, непонятно почему, не торопился снова пуститься в путь, хотя сильно разозлился, когда Джилард попросил его сделать привал. Теперь барон вел себя так, словно времени у него было хоть отбавляй. Что и говорить, Мадлен в жизни не встречала столь странного человека, как этот Дункан из Векстона.

Впрочем, она была рада, что они ненадолго остановились. Ей нужно было привести в порядок свои мысли и избавиться от терзавших ее тревог.

День подходил к концу, солнце садилось. Оранжевые и багровые полосы перерезали небо, опускаясь на землю где-то далеко-далеко от места их привала. Красота наступающей зимы завораживала, и Мадлен не обратила внимания на какой-то шум. Но вдруг она заметила слабый свет, мелькнувший вдали за деревьями.

Свет появился и тут же пропал. Девушка направилась к тому месту, где только что мигал огонек. К ее удивлению, огонек переместился дальше, в долину.

И вдруг ее взору предстали сотни огней – словно кто-то зажег их по чьей-то команде. Они мигали и мерцали повсюду.

Они были еще довольно далеко, но приближались с угрожающей скоростью, а лучи заходящего солнца, попадая на огни, делали их еще ярче... Если только это были огни... а не отблески солнечных лучей на металле...

И тут Мадлен поняла. Солнечные лучи могли играть так только на латах воинов.

Этих воинов, по-видимому, были сотни...

Глава 5

Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним, а праведник смел, как лев.

Ветхий Завет, Книга Притчей Соломоновых, 28-1

Господи, на них готовится атака! От страха Мадлен задрожала, ноги ее словно приросли к земле, руки с такой силой вцепились в складки платья, что побелели костяшки пальцев. Но, расправив плечи, высоко подняв голову и сделав глубокий вдох, она взяла себя в руки и решила трезво оценить создавшееся положение и принять для себя какое-то решение.

Конечно, как пленница, она не обязана была предупреждать своего похитителя об опасности. Можно было промолчать, а едва начнется битва – сбежать.

Но если начнется битва, будут новые смерти, а этого Мадлен не хотела, поэтому решила, что молчать нельзя. Если она сразу все расскажет барону, они смогут как можно быстрее уехать отсюда. Да, у них будет преимущество во времени, и бой не начнется. А разве спасение жизни многим воинам не важнее ее трусливого бегства?

Изо всех сил Мадлен помчалась на поиски барона. Забавно, что о приближении врага Векстону сообщит именно она, его пленница.

Дункан и Джилард стояли в окружении воинов. Девушка подбежала к барону, встав за его спиной.

– Барон, мне надо кое-что сказать вам, – взволнованно проговорила она, но Дункан, похоже, даже не обратил на нее внимания. Может, он не слышал ее?

– Мне необходимо поговорить с вами, – уже громче повторила Мадлен, а затем осмелилась дотронуться до его плеча.

Дункан продолжал стоять спиной к ней.

Мадлен легонько толкнула его.

Дункан не обратил на это внимания, продолжая говорить со своими воинами.

«Господи, какой же он упрямец!» – подумала Мадлен, ломая руки. Опасность приближалась с каждой минутой; вражеские воины, карабкавшиеся по горам, могли показаться в любое мгновение.

Не в силах больше сдерживаться, девушка в гневе, собрав всю силу, с маху ударила ногой по ноге Дункана, целясь в сгиб под коленом.

Она попала в цель, но тут же пожалела об этом – ее пальцы моментально онемели от пронизывающей боли. Впрочем, смелый поступок не пропал даром: барон наконец обратил на нее внимание и медленно повернулся к ней.

Векстон был не столько разозлен, сколько удивлен. Подбоченясь, он так глянул на Мадлен, что ей стало не по себе, и она предпочла перевести взгляд на ничего не понимавшего Джиларда.

– Я бы хотела поговорить с вами наедине, – заявила Мадлен, осмелев вновь посмотреть на Дункана.

От внимания барона не укрылась тревога, звучавшая в ее голосе. Кивнув, он взял девушку под руку и, широко шагая, повел на другой край поляны.

Мадлен семенила рядом.

Векстон тяжело вздохнул, и девушка поняла, что именно она была причиной этого вздоха.

Ее уже не обижало, что барон относится к ней как к надоедливой впившейся в кожу занозе. Наверняка он не придает значения ее словам, и вряд ли она дождется от него простого «спасибо».

Ну да ладно. Главное – в том, что ей, возможно, удастся предотвратить бессмысленные смерти. От одной этой мысли девушка почувствовала себя увереннее.

– Из долины сюда идут воины, – сообщила она, но никакого отклика не последовало. Барон молча смотрел на Мадлен.

Девушка была вынуждена повторить:

– По горам взбираются вражеские воины. Они идут из долины. Я видела, как играет солнце на их щитах. Вероятно, следует что-то предпринять?

Неужели пройдет вечность, прежде чем Векстон скажет или сделает хоть что-то?

Барон по-прежнему не сводил с Мадлен глаз, ничем не выдавая своего отношения к сообщенной ею новости. Ей даже показалось, что она прочла в его холодных серых глазах чуть ли не цинизм. Подумав, что барон, возможно, сомневается в правдивости ее слов, она сказала:

– Я никогда в жизни не лгала, барон. Хотите, пойдемте туда вместе, и вы увидите, что я права.

Дункан пристально наблюдал за этой женщиной с такой гордой осанкой. Огромные голубые глаза доверчиво смотрели на него. Рыжеватые пышные

волосы золотистым облаком обрамляли лицо. Барон заметил даже, что кончик носа у его пленницы чем-то вымазан.

- Почему ты решила предупредить меня? - наконец вымолвил он.

- Что?! Да для того, чтобы мы успели поскорее убраться отсюда! - возмутилась Мадлен. - Не хочу видеть новые убийства.

По-видимому, удовлетворенный услышанным, Векстон кивнул, а затем направился к ожидавшему поблизости Джиларду, безуспешно старавшемуся подслушать разговор Дункана и Мадлен.

- Леди Мадлен только что обнаружила, что нас преследуют, - сообщил брату барон.

Джилард удивился - он не заметил ничего подобного.

- Кто-то гонится за нами? - спросил он, поворачиваясь к пленнице. - И ты не знал об этом, Дункан?

- Знал еще в полдень, - пожал плечами тот.

- Это какие-то бродяги? - продолжал допытываться Джилард. Говорил он спокойно, но в глубине души был сильно раздражен тем, что брат, зная о погоне, за весь день ни словом не обмолвился о ней. И что еще более странно, теперь об этом сообщает Дункану Мадлен.

- Нет, Джилард, это не бродяги, - промолвил Дункан.

Наступило долгое молчание.

- Так это крыса преследует волка? - наконец догадался Джилард.

- Даст Бог, на этот раз он сам ведет своих людей, - промолвил барон.

Джилард улыбнулся. Дункан кивнул.

– Вообще-то я хотел встретить их подальше, у Крик Кроссинга, на перекрестке, но, пожалуй, в горах мы будем иметь больше преимуществ перед ними. Вели всем приготовиться.

Джилард помчался к лагерю, приказывая воинам собираться и садиться на коней.

Мадлен оцепенела. И так, ее намерение избежать битвы провалилось. Она окончательно убедилась в этом, услышав смех Джиларда. Она даже не поняла, о чем говорили братья. Сплошные загадки – какие-то волки, крысы... Полная бессмыслица.

– Значит, я была права! – взорвалась Мадлен. – Ты ничем не отличаешься от Луддона, не так ли?

Дункан не обратил внимания на ее гнев.

– Забирайся на моего коня, Мадлен. Мы вместе встретим твоего брата.

Девушка была слишком поражена, чтобы спорить. Про себя она то и дело повторяла, что знала о том, что барон не станет избегать битвы. Неужели ей мало было урока, когда она уговаривала Векстона мирно уйти с земли Луддона?

Мадлен даже не заметила, как оказалась вновь сидящей верхом на Силене. Ее растерянность была сильнее страха. Она даже не помнила, с какой стороны влезла на коня.

Подойдя к скакуну, Дункан взял его под уздцы и повел на противоположный край поляны. Стремена были слишком длинными для Мадлен, и она неуклюже подскакивала в седле, ударяясь при каждом шаге животного. Она знала, что выглядит нелепо, и радовалась тому, что барон не смотрит на нее.

– Как зовут твоего коня? – спросила она.

– Просто Конь, – через плечо бросил Дункан. – Это животное называется «конь», поэтому я так и зову его.

– Конечно. Ты такой холодный и бесчувственный, что у тебя даже не достало воображения дать имя своему другу. Зато это сделала я. Он теперь – Силен. Что скажешь?

Векстон ничего не ответил. Мысли его были заняты совсем другим – предстоящей битвой. Он не хотел отвлекаться на какую-то ерунду.

Довольная тем, что ей все же удалось хоть немного подразнить барона, Мадлен улыбнулась.

Тут рядом с ними, как из-под земли, вырос Ансель, держащий под уздцы серого в яблоках коня, который, похоже, был куда послушнее Силену. Дункан бросил поводья своего скакуна Мадлен и одним махом вскочил на серую лошадь.

Улыбка исчезла с лица девушки, когда она поняла, что ей придется самой справляться с Силеном. Тот, видно, сразу почувствовал ее волнение, начав пританцовывать и взбрыкивать то задними, то передними ногами. Тяжелые копыта с шумом опускались на землю. Теперь Мадлен пожалела, что прикидывалась умелой наездницей.

С другой стороны к девушке на гнедом коне подъехал Джилард. Он подвел своего коня совсем близко к Силену, и тот несколько успокоился.

– Они пока еще довольно далеко, – бросил Джилард брату через голову Мадлен. – Мы подождем их, Дункан?

– Нет, – отрезал барон. – Встретим их на дороге.

За спинами троицы стали шумно собираться воины. Девушка решила, что Векстон ждет, пока они затихнут, чтобы дать сигнал к атаке.

– Я останусь здесь до вашего возвращения, – заявила Мадлен, обращаясь к барону. В ее голосе звучало отчаяние.

Молча взглянув на пленницу, Дункан перевел взор на долину.

– Я собираюсь остаться здесь, – повторила Мадлен.

- Нет, ты не останешься, - заявил Векстон, не удостоив ее даже взглядом.

- Тогда тебе придется привязать меня к дереву, - усмехнулась девушка.

- Ах, леди Мадлен, не лишите же вы Луддона удовольствия лицезреть вас! - с улыбкой воскликнул Джилард. - Обещаю: последним, что он увидит перед смертью, будет ваше милое личико, - добавил он.

- Вы оба собираетесь насладиться битвой, не так ли? - дрожащим от волнения голосом спросила девушка.

- Можешь не сомневаться, - пожал плечами Джилард. - Ты же знаешь, у нас есть причина желать смерти твоего братца, - продолжал он. Улыбка с его лица исчезла. - Может, ты тоже хочешь, чтобы мы оба погибли? Я почти уверен в этом, - усмехнулся Джилард.

Мадлен было любопытно узнать, как относится к их беседе барон, но Векстон, кажется, и не слышал, о чем они говорят. Девушка перевела взгляд на Джиларда.

- Я понимаю, почему вы хотите смерти Луддона. И не желаю гибели тебе или твоему брату, - добавила она. - С чего ты это взял?

Джилард нахмурился:

- Вы считаете меня дураком, леди Мадлен? Вы думаете, я поверю, что вы не поддержите Луддона? Да он же ваш брат!

- Я не поддерживаю никого, - возразила Мадлен. - И не хочу ничьей смерти.

- Ага, теперь-то я понял твой умысел, - проговорил Джилард. Впрочем, он уже и не говорил, а почти кричал на пленницу. - Ты хочешь узнать, кто станет победителем, и лишь потом сделаешь выбор! Будешь утверждать, что всегда была на стороне того, кто уцелел! Очень хитро, ничего не скажешь!

– Думай что хочешь, – промолвила Мадлен. – Ты в точности такой же, как твой брат, – добавила она, покачав головой.

Увидев довольную усмешку Джиларда, Мадлен поняла, что он принял ее слова за комплимент.

– Я вовсе не похвалить тебя хотела, Джилард. Напротив! Похоже, ты такой же упрямый и безжалостный, как Дункан! И тоже получаешь удовольствие от убийств, – закончила пленница Векстонов.

По правде говоря, девушка была в ужасе от того, что так разговаривает с Джилардом, который злился все больше и больше, но, видит Бог, она была не в силах остановиться.

– Ты можешь посмотреть мне в глаза и честно сказать, что не испытываешь ко мне ненависти? – спросил Джилард. Он был в ярости, шейная артерия его вздулась и пульсировала. Мадлен показалось, что он хочет ударить ее.

– Я не испытываю к тебе ненависти, – прямо глядя ему в глаза, проговорила Мадлен. – Хотела бы, признаюсь, но не могу, Джилард.

– Но почему же? – удивился тот.

– Потому что ты любишь свою сестру.

Джилард уже собирался сказать пленнице, что такой глупышки он еще в жизни не встречал, как Дункан поднял руку, призывая брата к вниманию. Джилард тут же забыл о Мадлен и потянулся за своим мечом.

И вот Дункан подал сигнал. Мадлен так перепугалась, что не припомнила даже слов молитвы.

Конечно, это будет смертельный бой! Мадлен уже достаточно хорошо изучила характер Векстона, чтобы знать, что на полпути тот не остановится.

Она попыталась считать воинов, поднимавшихся в гору, но быстро сбилась со счета. Они покрывали все вокруг, как саранча. Интересно, а у Дункана опять

меньше воинов?

«Это будет настоящая резня, – думала Мадлен, – и все из-за того, что Дункан станет биться честно, а Луддон – нет. Барон должен был предвидеть это, разве он забыл, как Луддон вероломно нарушил их временное перемирие? Ведь Луддон хитростью заманил Дункана в ловушку».

Мадлен знала Луддона лучше, чем Дункан. Ее брат станет драться беспощадно, если почувствует, что победа его воинов близка.

Девушка напомнила себе, что ей, собственно, все равно, кто выиграет бой. Если Луддон и Дункан убьют друг друга – что ж, пусть. Это свершится по их собственной воле.

– Мне все равно, – вновь и вновь шепотом повторяла Мадлен.

Но сколько бы раз ни твердила она свое заклинание, дело обстояло совсем не так.

Глава 6

Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом...

Новый Завет, Первое послание к коринфянам, 3–19

Барон Векстон был явно не из тех, кто подстерегает врага в засаде и нападает неожиданно. Его яростный боевой клич, разносимый эхом, пронесся над всей долиной. Этот дикий рев да грохот сотен лошадиных копыт предупредили воинов Луддона о приближении Дункана и его воинов.

Зажатый с обеих сторон конями Дункана и его брата, Силен стал спускаться вниз. Всадников со всех сторон окружали воины Векстона, державшие наготове щиты и мечи. Братья держали свои щиты так, что склонявшиеся вниз ветви деревьев не задевали лица Мадлен.

Когда они достигли вершины невысокой горы, возвышающейся как раз над тем местом, которое Дункан выбрал полем боя, барон схватил поводья Силену, дернул их и что-то прокричал своему скакуну. Тот немедленно остановился и замер как вкопанный. Свободной рукой Векстон приподнял подбородок девушки и повернул ее лицо к себе.

Серые глаза бросали вызов голубым.

– Не смей трогаться отсюда! – приказал Векстон, затем пришпорил своего коня и двинулся было прочь, но девушка схватила его за рукав.

– Если тебя убьют, я не заплачу, – прошептала она.

– Сомневаюсь. – В голосе Векстона звучали и нежность, и надменность, а лицо осветилось скупой улыбкой.

Не успела Мадлен и рта раскрыть, как барон умчался вниз, к подножию горы, где уже разгоралась битва. Девушка осталась совсем одна, наблюдая, как последние воины Векстона спускались вниз.

Шум битвы оглушал. Раздавалось кляцанье металла, вопли ужаса мешались с победными криками. Мадлен не могла различить лиц воинов и видела лишь спину барона. Векстон размеренно махал мечом, и каждый его взмах попадал в цель, унося жизнь врага. Казалось, сам Господь благословил его на эту битву: воины Луддона даже не смогли окружить барона.

Мадлен на мгновение зажмурила глаза, а когда открыла их, то обнаружила, что серый конь исчез. Мадлен в ужасе озиралась вокруг, но не видела ни Дункана, ни Джиларда. Битва уже приближалась к ней.

Она не искала взглядом своего брата, зная, что тот и не подумает лезть в самую гущу дерущихся. В противоположность Дункану Луддон последним вынет свой меч из ножен. Сейчас было слишком рискованно вступать в бой. Да, ее братец ценил свою жизнь, не то что Векстон, который, казалось, вообще не думал о себе. Луддон предпочитал, чтобы дрались его воины. Если чаша весов потянет в сторону Векстона, он первым унесет отсюда ноги.

– Я совсем не собираюсь участвовать в этом сражении! – вскричала девушка. Она изо всех сил дернула поводья, намереваясь как можно быстрее убраться восвояси. Да, она оставит здесь всех дерущихся! – Но-о! Давай же, Силен, пошел! – понукала она коня, подражая барону.

Но Силен не двинулся с места. Девушка еще раз дернула поводья – опять напрасно. Надо было спешить: воины уже поднимались на гору, служившую ей убежищем.

Дункан был в ярости. Он так и не нашел Луддона, хотя искал его повсюду. Победа над врагом не принесет ему удовлетворения, если Луддону удастся сбежать. Обернувшись назад, Векстон в ужасе увидел, что дерущиеся воины подступили уже совсем близко к месту, где находилась Мадлен. Он проклинал себя за то, что, отдавшись мыслям о Луддоне, не подумал о безопасности своей пленницы. Черт возьми, он должен был оставить для ее охраны воинов! Он не выполнил своего долга по отношению к пленнице.

Бросив щит на землю, Векстон свистнул, моля Бога, чтобы конь услышал. Сердце барона гулко стучало в груди, когда он бросился вверх, на гору, громко выкрикивая проклятия собственной непредусмотрительности.

Силен услышал свист и двинулся вперед. Сейчас он бы послушался Мадлен, но та с перепугу выронила из рук поводья.

Перескочив через двух воинов, взбиравшихся на горный кряж, где только что стоял конь, Силен ударил их по головам задними ногами. Закричав от боли, воины скатились вниз.

Мадлен оказалась в самой гуще битвы. Разъяренные всадники вокруг нее размахивали мечами направо и налево. Скакун Дункана застыл на месте, зажатый со всех сторон дерущимися. Мадлен прильнула к его шее, моля Господа о быстром конце.

И вдруг она заметила Джиларда, пробивавшегося к ней. Молодой человек был пешим; в левой руке он держал щит, в правой – окровавленный меч, которым то и дело наносил удары по воинам Луддона.

Тут один из вражеских воинов занес свой меч над Мадлен. У него был совсем обезумевший взгляд; похоже, он вообще не понимал, где находится и что делает.

В ужасе девушка выкрикнула имя Векстона, хотя понимала, что спасение сейчас зависит от нее самой. Бежать было некуда, единственным выходом было прыгнуть на землю, что она и сделала. Однако двигалась она недостаточно проворно, и меч врага полоснул ее по бедру. Мадлен закричала от боли и упала, но крик быстро перешел в хрип и затих – она задохнулась от страха.

Плащ свалился с Силена следом за ней и накрыл Мадлен с головой. Двигаясь как во сне, она принялась подтыкать ткань под себя; боль в ноге все усиливалась, а потом благословенное оцепенение охватило и ногу, и разум, и это придало Мадлен сил. Она поднялась, закуталась в плащ и, покачиваясь, стала наблюдать за битвой.

Вдруг скакун Дункана подтолкнул ее в спину. Девушка пошатнулась. Конь снова толкнул ее, заставляя упасть на землю. Но Мадлен удержалась на ногах и прислонилась к теплому боку Силена, который прикрыл собой ее спину.

Слезы внезапно брызнули из глаз Мадлен – это был первый неосознанный отклик на происходящее. Джилард что-то прокричал ей, но девушка не поняла его. Она могла лишь беспомощно наблюдать, как он продолжает пробиваться к ней. Джилард еще раз что-то громко крикнул, но слова потонули в клацанье оружия и в воинственных воплях.

Мадлен не могла больше смотреть на сражение. Собрав остатки сил, она побрела навстречу Джиларду, рассчитывая, что именно этого он хотел от нее. Несколько раз она спотыкалась о тела убитых, валявшихся на земле.

Мадлен была уже в нескольких футах от Джиларда, когда на того напали сзади. Он повернулся к нападавшему, оставив незащищенной спину, и этим тут же воспользовался другой воин Луддона. Он занес потемневший от крови меч над головой юноши, издав торжествующий вопль.

Девушка хотела закричать, но из ее груди вырвался лишь слабый стон.

Сейчас она была единственным человеком, который мог спасти Джиларда! Не долго думая Мадлен наклонилась над мертвым воином и вытащила из его застывших пальцев тяжелую булаву. Ухватив ее обеими руками, она подошла к Джиларду, почти касаясь того спиной, и подняла глаза на его противника.

Воин не обратил на женщину никакого внимания, не видя в ней опасности для себя. Он бросился вперед, к Джиларду, держа оружие наперевес.

Тогда девушка взмахнула булавой, описав ею в воздухе широкую дугу. Страх придал ей силы. Мадлен хотела лишь остановить нападавшего, но острые шипы проникли сквозь кольца кольчуги и вонзились в тело воина.

В это мгновение Джиларду удалось наконец отбить атаку другого воина. Он повернулся, чтобы продолжить путь к Мадлен, и едва не сбил девушку с ног. Он видел, как удар, нанесенный пленницей его брата, сбил с ног сильного мужчину. Остолбнев от изумления, Джилард на мгновение лишился дара речи, потом нежно дотронулся до плеча девушки, но она, казалось, настолько оцепенела от ужаса, что и не почувствовала его прикосновения. Битвы для нее больше не существовало.

Дункан тоже видел, как Мадлен уложила вражеского воина. Он одним махом вскочил на своего скакуна и направил его в сторону Мадлен. Джилард едва успел отскочить в сторону, чтобы дать дорогу брату, который быстро подхватил девушку и усадил в седло перед собой. К счастью, он не задел при этом ее раненое бедро.

Бой почти закончился. Воины Дункана преследовали вдоль долины улепетывающих от противника воинов Луддона.

– Покончи вот с этим, – коротко бросил барон брату, направляя своего скакуна в горы. Сильное животное с необычайной скоростью помчалось прочь с поля боя.

В пылу битвы Дункан потерял плащ и щит, так что теперь ему пришлось руками придерживать ветви, которые могли задеть лицо Мадлен.

Но ей не нужна была его забота, она хотела бы убежать от Векстона, потому что ради братьев ей пришлось убить человека.

Сам Дункан думал сейчас только о безопасности Мадлен, то и дело пришпоривая коня, чтобы поскорее удалиться от поля боя. Векстон решился сделать остановку, лишь когда они оказались в небольшой рощице.

Он не переставал проклинать себя за то, что, по существу, бросил Мадлен на произвол судьбы. Лишь сейчас он увидел, что лицо девушки залито слезами, и громко застонал.

– Не надо плакать, Мадлен, – попытался успокоить свою пленницу Векстон. – Твоего брата нет среди мертвых. Не плачь!

Мадлен, даже не замечавшая, что плачет, пришла в ярость, когда до нее дошел смысл слов барона. Как мог этот невыносимый человек столь превратно истолковать ее горе?!

Утерев слезы и набрав полную грудь воздуха, она вскричала:

– До этого дня я и не знала, как сильно ненавижу вас, барон! Теперь-то я поняла, что значит ненавидеть! Бог свидетель, я буду испытывать это чувство к вам до самой смерти!.. Из-за вас я обречена на вечные мучения! – так тихо договорила она, что Дункану пришлось наклониться к девушке, чтобы разобрать ее слова.

– Ты разве не слушала меня? – ласково спросил Векстон. – Я же только что сказал тебе, что твой брат жив, Мадлен. Пока жив, – честно добавил он.

– Нет, это ты не слушаешь меня, – возразила девушка. Из ее глаз опять покатались слезы, она нетерпеливо смахнула их. – Из-за тебя я лишила жизни человека. Это смертный грех, но ты виновен не меньше меня. Если бы ты не потащил меня с собой, этого бы не случилось.

– Так ты расстроилась из-за смерти воина? – недоуменно спросил Векстон. Впрочем, он поспешил напомнить себе, что его пленница – всего лишь слабая женщина, а женщин, как известно, огорчают самые непонятные вещи. К тому же Мадлен немало пережила за последние два дня. – Я отправил на тот свет сотни людей, – попытался утешить ее барон.

Почему-то такое утешение не помогло.

– Да мне все равно, скольких несчастных ты убил! Хоть легион! – взорвалась Мадлен. – У тебя нет души, поэтому тебе наплевать, скольких людей ты лишил жизни!

Дункан не был готов ответить на это обвинение, он лишь понял, что спорить с Мадлен бесполезно. Она была слишком возбуждена и расстроена, чтобы мыслить логически.

Вместо дальнейших уговоров Векстон обнял девушку и обнимал все крепче, пока она не перестала сопротивляться.

– Что же мне с тобой делать? – устало пробормотал он, обращаясь скорее к самому себе, чем к Мадлен.

– Мне все равно, что ты со мной сделаешь! – выпалила та. Откинув голову назад, она взглянула в глаза барону. Правая бровь его была рассечена, и Мадлен рукавом утерла стекавшую струйкой кровь, не переставая, однако, сердито говорить: – Можешь бросить меня здесь, можешь убить – как хочешь. Мне уже все равно. Ты не должен был брать меня с собой, Дункан.

– Но ведь это твой брат бросился за нами в погоню. Он хотел вернуть тебя, – напомнил ей Векстон.

– Совсем нет, – возразила Мадлен. – Он стал преследовать тебя, потому что ты разрушил его дом. Ему наплевать на меня. Я ничуть не преувеличиваю. И если бы ты только захотел, то понял бы это. Но ты так упрям! И убеждать тебя в чем-либо бесполезно! Да, бесполезно! Я вообще не стану больше говорить с тобой. – Эта взволнованная тирада отняла у девушки последние силы, и она молча откинулась на грудь барона.

Леди Мадлен не переставала удивлять Векстона. Дункан был поражен тем, как осторожно она вытирала кровь с его раны, – впрочем, возможно, она делала это машинально. Потом Векстон вспомнил, как спокойно смотрела Мадлен на Джиларда еще там, в крепости Луддона. Джилард иступленно орал на нее, а девушка лишь теснее прижималась к Дункану.

На сей раз Мадлен была вне себя от гнева, но, и возмущаясь, не оставила без внимания рассеченную бровь барона. Дункан снова привычно вздохнул. Уткнув

подбородок в макушку Мадлен, барон уж в который раз задался вопросом: как же могло так случиться, что милая и нежная женщина имела своим близким родственником самого сатану?

Оцепенение постепенно проходило. Теперь, когда она излила свой гнев, Мадлен начала чувствовать, как дергается от боли рана на бедре. Плащ скрывал рану от глаз Дункана. Девушка полагала, что он не знает о случившемся, и находила в этом какое-то странное удовлетворение. Она вдруг почувствовала себя такой измученной, усталой, голодной, рана болела так сильно, что мысли путались у нее в голове.

Вскоре к ним присоединились воины барона, и через несколько минут кавалькада уже скакала к крепости Векстона.

Прошло около часа. Вдруг Дункан случайно задел рану на бедре Мадлен. Ей с трудом удалось сдержать стон. Она оттолкнула руку барона – боль, причиненная его прикосновением, была невыносимой.

Мадлен почувствовала, что ее тошнит.

– Нам нужно остановиться на минутку, – обратилась к барону Мадлен. Ей хотелось кричать и плакать от боли, но она сдерживалась.

Векстон кивнул, но не остановился, видимо, решив не обращать внимания на ее просьбу.

Что за скотина! Хоть это было ей не по нраву, девушка принялась вспоминать самые страшные из знакомых ругательств, награждая ими про себя своего похитителя. Это принесло ей некоторое удовлетворение, но Мадлен была недовольна тем, что опускается до уровня Векстона. А она ведь воспитанная женщина!

Ее желудок никак не успокаивался. Мадлен не собиралась больше говорить с Векстоном, но обстоятельства были сильнее ее решения.

– Если ты немедленно не остановишься, меня вырвет здесь же.

Угроза возымела действие. Дункан подал воинам знак остановиться. Соскочив на землю, он быстро снял девушку с коня.

– Почему мы остановились? – раздался взволнованный голос Джиларда, который тоже спешил и встревоженно смотрел на брата. – Мы же почти дома!

– Из-за леди Мадлен! – коротко бросил барон, не желая вдаваться в более подробные объяснения.

Мадлен уже было побрела к деревьям, но, услышав вопрос Джиларда, на миг остановилась, промолвив:

– Я не задержу вас, подождите меня, Джилард.

Джилард удивленно приподнял брови и перевел взгляд на брата, который, не сводя глаз с Мадлен, хмурился все сильнее.

– Она много пережила, – поспешил успокоить Дункана Джилард, опасаясь, что барон сейчас обрушит на Мадлен свой гнев.

Но Векстон лишь покачал головой. Он следил за девушкой, пока она не исчезла за деревьями.

– Что-то здесь не так, – пробормотал он, пытаясь понять, что тревожит его.

– Может, она заболела? – предположил Джилард.

– Но... но она грозилась... – Не договорив, барон поспешил вслед за пленницей.

Джилард попытался остановить брата:

– Оставь ее, Дункан. Пусть побудет минутку одна, а потом все равно вернется к нам, – проговорил он. – Здесь же все равно негде как следует спрятаться.

Дункан лишь отмахнулся от Джиларда. Он успел заметить боль в глазах Мадлен, видел, что она едва передвигает ноги. Дело, вероятно, не в желудке. Если бы ее

просто тошнило, она не держалась бы с таким страдальческим видом за бедро. И если бы Мадлен боялась, что ее вырвет, она побежала бы в лес – подальше от глаз его воинов, а не брела бы туда еле-еле. Нет, что-то здесь было не так, и Векстон намеревался выяснить, в чем дело.

Он нашел пленницу у кривого дуба. Прислонившись к толстому стволу, она, опустив голову, плакала. Барон помедлил, не желая пугать девушку и выжидая. Она медленно сняла с себя плащ и бросила его на землю. И тут Векстон понял, что случилось. Платье Мадлен с левой стороны было порвано, и весь подол пропитался кровью.

Дункан даже не отдавал себе отчет, что с его уст сорвался громкий крик, он лишь увидел, что Мадлен испуганно смотрит на него. У нее не было сил убежать от Векстона или хотя бы оттолкнуть его, когда он опустился перед ней на колени, поднял платье и отвел ее руки от раны.

Увидев, насколько серьезно ранена Мадлен, Дункан затрясся от волнения, стал стягивать с нее белье, стараясь не причинить девушке еще больше боли.

Рана была глубокая и длинная – почти с локоть – и очень загрязненная. Ее необходимо было промыть и зашить.

– Ох, Мадлен, – выдохнул барон. – Кто это сделал?

В его голосе слышались такая нежность и забота, что девушка испугалась, что не совладает с собой и расплачется еще сильнее. Она боялась доброты Векстона, боялась потерять над собой контроль и не желала допустить этого.

– Нечего заигрывать со мной, Дункан. – Приосанившись, она попыталась наградить его презрительным взглядом. – Не трогай мою ногу! Это неприлично!

Дункан был так удивлен ее странным сейчас властным тоном, что едва сдержал улыбку, но тут же понял, что гордость являлась единственной защитой его пленницы. Он уже знал, как она ценила сдержанность.

Внимательно осмотрев рану, Векстон решил, что сейчас сделать ничего нельзя и нужно продолжить путь.

– Я не собираюсь с тобой заигрывать, – нарочито грубо ответил он. – Я ведь волк, как думают все. Мне неведомы человеческие чувства.

Мадлен ничего не возразила, лишь глаза ее широко распахнулись от удивления. Улыбнувшись, Дункан опять опустился на колени.

– Оставь меня, – прошептала девушка.

– Нет, – тихо ответил барон. Вытащив из ножен кинжал, он стал отрезать полоску от чистой части подола.

– Ты же испортишь мое платье, – пробормотала девушка.

– Господи, Мадлен, да ты только взгляни! Твое платье и так вконец испорчено! – воскликнул Векстон.

Очень осторожно, избегая резких движений, барон перевязал ей бедро. Он уже затягивал узел, когда девушка изо всех сил вцепилась ему в плечо.

– Ты делаешь мне больно, – прошептала она, презирая себя за слабость. Господи, она, кажется, опять расплачется!

– Ничего. Потерпи.

Мадлен судорожно вздохнула, забыв о слезах, до того ее разозлили слова Дункана. Ведь это она страдает от боли!

– Нужны иголка и нитки, – заметил барон.

Мадлен с силой ударила его по плечу.

– Я не позволю вонзить мне в кожу иголку!

– Ладно, ладно, помолчи, – промолвил Дункан, наклоняясь за плащом Мадлен. Закутав девушку, он бережно взял ее на руки, стараясь не касаться раны.

Мадлен инстинктивно обвила его шею руками, раздумывая о том, не следует ли ей выцарапать барону глаза за столь непочтительное обращение с ней.

- Посмотри ты на себя, Дункан! Ты пытаешься погубить меня, тихую и покорную девушку, и непременно сделаешь это при первой возможности. И клянусь Господом, я говорю с тобой в последний раз!

- Ну да, ты такая честная, что никогда не нарушишь своего слова. Не так ли, леди Мадлен? - поддразнил ее Векстон, возвращаясь к своим воинам.

- Да, - заявила девушка.

Закрыв глаза, она прислонилась к груди барона.

- А тебе известно о том, что, раз ты волк, у тебя и мозги волчьи? - спросила она после короткого молчания. - А у волков они, кстати, о-очень маленькие, как у курицы.

Мадлен слишком утомилась, чтобы открыть глаза и поглядеть, как действуют на Дункана ее оскорбления. Несколько остыв, она поняла, что ей, в сущности, следует быть благодарной Дункану за его грубость и насмешки. Ведь он разозлил Мадлен до такой степени, что она почти забыла о боли. Больше того, его явная бесчувственность помогла ей справиться с собой и не разрыдаться у него на глазах. Вот это было бы действительно недопустимо: ведь она давно привыкла скрываться за своими гордостью и достоинством, как за непроницаемой пеленой. И, потеряв то или другое, она почувствовала бы себя по-настоящему униженной. Теперь, когда Мадлен знала, что барон не видит ее, она позволила себе улыбнуться. Глупец, сам того не зная, он спас ее гордость!

Дункан не мог сдержать усмешки: разговаривая с ним, Мадлен опять нарушила собственный обет молчания. Ну, это пустяки. Главное, Векстону необходимо было узнать, как и кто ранил Мадлен. Он не верил, что кто-то из его людей мог поднять на нее руку, но ведь и воины Луддона, по логике вещей, должны были защищать его сестру, не так ли? Это ставило барона в тупик.

Впрочем, с выяснением этих вопросов можно было и подождать. Для начала Векстону надо было смирить свой гнев и позаботиться об отдыхе и лечении Мадлен, которая, судя по всему, близка к нервному срыву.

Когда Векстон с воинами снова пустился в путь, Мадлен крепко прижалась к барону – ей казалось, что так боль меньше мучает ее.

Она вновь почувствовала себя в безопасности, и это смущало ее. Сердцем она понимала, что Дункан совсем не похож на Луддона, но готова была скорее умереть, чем признаться в этом вслух. В конце концов она всего лишь пленница, приманка для ее братца. Но она не испытывала ненависти к Векстону, желавшему отомстить Луддону за свою сестру, и впуталась в это дело по чистой случайности.

– Ты же знаешь, что мне не убежать, – промолвила она, не понимая, что говорит достаточно громко и барон слышит ее.

– И не думай об этом, – усмехнулся Дункан.

– Наконец-то мы дома! – вдруг вскричал Джилард, глядя на Мадлен и видя, что девушка совершенно спокойна. «Может, она спит или задумалась?» – подумал Джилард. Признаться, он не знал, как ему в дальнейшем вести себя с леди Мадлен. Ведь он поставил себя в идиотское положение, так как прежде был с ней груб, всячески выказывая свое презрение. Как она будет теперь относиться к нему? Она, которая, в сущности, спасла ему жизнь! Джилард никак не мог понять, почему Мадлен пришла ему на помощь, а спросить он не решался, опасаясь не очень лестного для него ответа.

Увидев высокие стены замка Векстонов, Джилард пришпорил своего коня, чтобы первым въехать в ворота. По установившемуся обычаю Дункан всегда замыкал строй своих воинов, чтобы последние раньше его оказались под надежной защитой толстых крепостных стен. Его люди ценили эту традицию, понимая, что их предводитель ставит их жизни выше своей собственной. Все они были беззаветно преданы барону и готовы положить за него жизнь, но и Векстон, в свою очередь, в случае нужды горой вставал на их защиту.

Люди Дункана были лучшими воинами во всей Англии. Считалось, что барон отбирает лучших из лучших, хотя количество людей, служивших ему, было не так уж велико – всего около шести сотен человек. Но об их силе и мощи ходили легенды, которые, в общем, соответствовали действительности.

Глядя на воинов, всегда можно многое сказать об их предводителе. Дункан виртуозно владел мечом, немногие могли сравниться с ним в искусстве рукопашного боя. Барон Векстон был из числа тех людей, которых стоит бояться и в натуре которых трудно отыскать уязвимое место. Казалось, его совсем не интересует то, на что падки другие. К примеру, Дункан никогда не относился к золоту с тем трепетом, который свойственен многим и многим. Никто не был способен обнаружить его ахиллесовой пяты. Похоже, Векстон был отлит из стали – именно так думали те, кто хотел бы причинить ему вред. У Векстона, казалось, не было слабостей, не было сердца.

Но Мадлен ничего не знала о репутации барона. В его объятиях она чувствовала себя надежно защищенной и с любопытством наблюдала за тем, как воины въезжают в крепость. Она только никак не могла понять, почему Дункан не въехал первым, точно выжидая чего-то.

Затем девушка перевела взгляд на замок. Серая громадина тяжело осела на самой верхушке высокой горы, крутые склоны которой не оживлялись ни единым деревцем.

Замок был окружен толстыми каменными стенами. Мадлен подумала, что в жизни не видела более чудовищного сооружения. Казалось, верхушки стен упираются в небесную твердь и вот-вот подцепят на свои выступы яркую луну, или, может, это было лишь игрой ее воображения?.. Но она была абсолютно уверена, что верхушка одной из башен вообще терялась в скоплении тяжелых туч.

Дорога, ведущая к подъемному мосту, извивалась как змея. Дункан подождал, пока последний из его воинов въедет в ворота, и лишь затем пустил вперед Силена, который, желая побыстрее попасть в теплую конюшню, нетерпеливо пританцовывал на месте, что причиняло Мадлен нестерпимые муки. Девушка кривилась от боли, не замечая, что все крепче сжимает руку Дункана.

Векстон понимал, как ей больно. Сочувственно взглянув на Мадлен, он промолвил:

– Скоро ты отдохнешь, Мадлен. Продержись еще немного.

Кивнув, девушка закрыла глаза.

Как только они въехали во двор, Дункан спрыгнул на землю, снял с коня свою пленницу и, крепко прижав ее к груди, направился к замку. У входа стоял Джилард, беседовавший с какими-то мужчинами. Мадлен с трудом подняла веки и взглянула на брата Дункана, показавшегося ей смущенным.

Она догадалась, чем он смущен, когда поняла, что Джилард смотрит на ее ноги. Плащ соскользнул, и рана Мадлен была открыта посторонним взорам. Разорванное платье волочилось по земле, как знамя поверженного врага. По обнаженной коже струилась кровь.

Джилард поспешно распахнул двери, и волна теплого воздуха обдала лицо Мадлен, когда Векстон внес ее в небольшой холл.

Девушка сразу догадалась, что тут, внизу, жили воины. С одной стороны, судя по всему, расположились казармы, с другой – находилась винтовая лестница с широкими ступенями, ведущими в жилое помещение наверху. Что-то в этой планировке раздражало Мадлен, и она поняла, что именно, когда Дункан стал подниматься по ступенькам.

– Лестница находится не там, где ей положено, – вдруг заявила она.

– Да нет, Мадлен, – возразил барон. – Здесь все так, как должно быть.

– Нет, не так, – заупрямилась она. – Лестница ведь всегда находится с правой стороны, а не с левой. Все это знают, – раздраженно добавила Мадлен.

– Да, обычно делают справа, но здесь ее приказали построить слева, – спокойно, как обычно говорят с капризными детьми, объяснил Векстон.

Мадлен заинтересовалась планировкой замка и сама не смогла бы объяснить, почему вдруг, но тем не менее решила оставить за собой последнее слово.

– Чье-то совершенно нелепое приказание, – заявила девушка, но, подняв глаза, заметила, что Дункан не обращает на нее никакого внимания и равнодушен к ее словам. – Ты такой упрямый, – сердито добавила она.

– Скорее это ты упрямая, – улыбаясь возразил Векстон.

Джилард шел следом за братом и его пленницей и слышал все до единого слова. Хотя их разговор и казался ему совершенно нелепым, он был слишком встревожен, чтобы засмеяться или хотя бы улыбнуться.

Джилард знал, что Эдмонд поджидает их. Да, их средний брат наверняка уже вышел в большой зал. Может, там и Адела. Джилард почувствовал волнение. Ему не хотелось, чтобы из-за присутствия Мадлен в доме возникли неприятности. Он надеялся выбрать время и объяснить Эдмонду, что пленница брата – добрая душа, которая не причинит всем им вреда.

Однако тут Джилард заметил, что, поднявшись на второй этаж, Дункан не направился в большой зал. Он свернул к другой лестнице и стал подниматься в башню. Здесь ступени были уже, и ему пришлось двигаться медленнее.

В овальной комнате, расположенной на самом верху башни, стоял страшный холод. Окно, расположенное возле камина, было широко распахнуто, деревянные ставни хлопали на ветру, ударяясь о каменные стены.

Напротив камина стояла кровать. Дункан осторожно положил на нее Мадлен. Затем он принялся разжигать огонь в камине и коротко бросил Джиларду, не отстававшему от них ни на шаг:

– Пусть Герти принесет Мадлен поесть и позови сюда Эдмонда. Да скажи ему, чтобы прихватил свои лекарства. И иглу – рану придется зашивать.

– Он не захочет, – заметил Джилард.

– Все равно ему придется это сделать.

– Кто такой Эдмонд? – тихо спросила Мадлен.

Братья разом повернулись к ней. От холода и боли девушку лихорадило, зубы ее стучали. Она попыталась приподняться и сесть, но силы оставили ее, и она вновь рухнула на кровать.

– Эдмонд – наш средний брат. Я – младший, Дункан – старший, – объяснил Джилард.

– А сколько же вас всего в семье? – поинтересовалась Мадлен.

– Всего пять, – с готовностью ответил Джилард. – Кроме нас, трех братьев, Катрин – старшая сестра и Адела – младшая, но я моложе ее. Эдмонд займется твоей раной, Мадлен. Он отлично лечит, не успеешь ты и глазом моргнуть, как все будет в порядке.

– Что значит «в порядке»? – недоуменно спросила девушка.

Джилард не знал что и ответить. Он повернулся к брату в надежде, что тот все объяснит девушке, но Дункан был занят камином, а затем, закрыв окно, стал закрывать ставни.

– Джилард, делай то, что я тебе велел, – сказал он не оборачиваясь.

Тон старшего брата не допускал возражений, и Джилард повиновался. Но когда он уже подходил к двери, Мадлен окликнула его:

– Не приводи сюда никакого Эдмонда, – заявила она. – Я и сама смогу заняться своей раной.

– Ступай, Джилард! – рявкнул Дункан.

Дверь за Джилардом захлопнулась.

Векстон повернулся к пленнице:

– До тех пор пока ты находишься здесь, ты не станешь противиться моим приказаниям. Понятно?

Барон медленно направился к кровати.

– Как я могу хоть что-то понять, милорд? – прошептала Мадлен. – Я всего-навсего приманка, разве не так?

Прежде чем Дункан успел ответить, девушка закрыла глаза и съежилась, скрестив на груди руки.

– Дай мне спокойно умереть, – прошептала она скорбно. Она чувствовала себя такой несчастной, такой слабой. А если в качестве лекаря выступит еще брат Дункана, боль, конечно, усилится. – Я не собираюсь пользоваться заботами твоего брата, – заявила Мадлен.

– И все же тебе придется принять их, – возразил Векстон.

Голос его звучал довольно нежно, но твердо.

– Ну почему ты все время противоречишь? – капризно пробормотала девушка. – Ведь мне и так плохо.

Дункан пересек комнату, оперся плечом о каминную полку и устремил сочувственный взор на Мадлен.

В дверь постучали, потом она со скрипом отворилась, и в комнату вошла полная пожилая женщина. В одной руке она держала поднос, в другой – кувшин, а под мышкой зажимала две звериные шкуры. Карие глаза служанки с тревогой остановились на девушке. Затем она отвесила неуклюжий поклон хозяину, которого явно побаивалась. Сгибаясь в поклоне, бедняжка с трудом удерживала в руках поднос и кувшин, стараясь не уронить их.

Со стороны Дункана не последовало ни доброго слова, ни улыбки. Коротко кивнув женщине, он указал ей на Мадлен.

Служанка бросилась исполнять молчаливое приказание барона. Укрыв Мадлен шкурами и поставив поднос на столик, стоявший возле кровати, она протянула девушке кувшин.

– Как тебя звать? – тихо спросила Мадлен.

– Герти, – ответила та.

Девушка ласково улыбнулась, и служанка поспешила подоткнуть шкуру под бедра Мадлен. От боли девушка едва не потеряла сознание, но не проронила ни звука, лишь закрыла глаза и стиснула зубы.

Эта сцена не ускользнула от внимания барона, и он уже хотел было прикрикнуть на Герти, но передумал, увидев, как служанка предлагает Мадлен еду.

- Спасибо за доброту, Герти, - прошептала девушка.

Дункан был поражен. Взглянув на спокойное лицо пленницы, он удивленно покачал головой. Вместо того чтобы выбрать служанку за неловкость, Мадлен поблагодарила ее!

Вдруг дверь с треском распахнулась. Вздвогнув, Мадлен подняла глаза и увидела великана почище своего старшего брата, который стоял, уперев руки в бока, и, казалось, свирепо глядел на нее. Девушка поняла, что это и есть Эдмонд.

Герти засуетилась и поспешно убралась из комнаты. За Эдмондом следовала целая вереница лакеев, несущих котлы с водой и подносы с кувшинами странной формы. Поставив подносы и кувшины на пол у кровати, слуги поклонились своим господам и удалились. Они были похожи на напуганных кроликов. Мадлен вполне понимала их. Находиться рядом с двумя злобными волками было довольно, чтобы испугать кого угодно.

Эдмонд не произнес ни слова приветствия брату, но Дункан не хотел упрекать его в присутствии Мадлен. Эдмонд тут же разозлится, разразится скандал, а это напугает девушку.

- Разве ты не хочешь поздороваться со мной, Эдмонд? - спросил Дункан.

Похоже, его кротость сработала - Эдмонд, кажется, удивился и немного поумерил свой гнев.

- Почему ты не сказал мне, что собираешься привезти с собой сестру Луддона? Я только что узнал от Джиларда, что ему было известно обо всем с самого начала.

- Ага, значит, он уже успел нахвастать, - покачал головой Дункан.

- Он сказал правду.

- Нет. Это не так, Эдмонд. Джилард ничего не знал о моих намерениях.

- Но почему ты решил держать все в секрете от нас, Дункан? - вскричал Эдмонд.

- Ты бы стал спорить со мной и ругаться, - заметил Дункан. Он широко улыбнулся с таким видом, словно перепалка с братом доставляла ему удовольствие.

Мадлен была просто поражена тем, как изменила лицо Дункана улыбка. Оно стало привлекательным. И... человеческим.

- С каких это пор ты стал избегать споров? - прорычал Эдмонд.

Мадлен казалось, что стены комнаты вот-вот рухнут от громких голосов братьев. «Может, у них неладно со слухом?» - подумала она.

Теперь, когда Эдмонд подошел к брату поближе, девушка увидела, что ростом он ниже Дункана, но больше, чем Джилард, похож на старшего брата. У них были одинаковые черты лица; они даже хмурились одинаково. Но волосы Эдмонда были не такими темными. По цвету они напоминали свежевспаханную землю и были очень густыми. А когда он повернулся к Мадлен, она увидела мелькнувшую на его лице улыбку, которая, впрочем, тут же сменилась прежним холодным выражением.

- Если ты начнешь кричать на меня, Эдмонд, то лучше не трать зря времени, я все равно не стану слушать, - заявила Мадлен, - просто заткну уши.

Эдмонд ничего не ответил. Скрестив руки на груди, он вперил в девушку долгий взгляд и, наверное, еще долго простоял бы так, не предложи ему Дункан осмотреть рану Мадлен.

Когда Эдмонд подошел к кровати, пленницу опять охватил страх.

– Я не хотела бы, чтобы вы дотрагивались до меня, – тихо промолвила она, стараясь сдержать дрожь в голосе.

– Меня не волнует, чего бы ты хотела, – заметил Эдмонд таким же тихим, как и пленница, голосом, и ей пришлось повиноваться.

Выражение лица Эдмонда осталось бесстрастным, когда он приподнял покрывало и обнажил рану.

С другой стороны к кровати подошел Дункан. Он нахмурился, увидев, как гримаса боли исказила лицо девушки при первом же прикосновении Эдмонда.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Карфаген должен быть разрушен (лат.). – Здесь и далее примеч. пер.

Купить: https://tellnovel.com/ru/garvud_dzhuliya/velikolepie-chesti

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)